

ISSN 2306-5001

Журнал входит в перечень анализируемых научных изданий ВАК

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

**Том 28. № 9.
Сентябрь 2021 г.**

Издается с 1993 года

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Алексей Ведев — д-р экон. наук, директор Центра структурных исследований РАНХиГС при Президенте РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вячеслав Моргунов — д-р экон. наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Владимир Глинский — д-р экон. наук, профессор кафедры статистики Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

Сергей Дробышевский — д-р экон. наук, директор по научной работе Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Анна Золотарева — канд. юрид. наук, руководитель Научного направления «Правовые исследования» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Павел Кадочников — канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Научного направления «Реальный сектор» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Александр Погорлецкий — д-р экон. наук, профессор кафедры мировой экономики экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Александр Радыгин — д-р экон. наук, профессор, председатель Ученого совета, руководитель Научного направления «Институциональное развитие, собственность и корпоративное управление» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Сергей Синельников-Мурyleв — д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Ирина Стародубровская — канд. экон. наук, руководитель Научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

© «Экономическое развитие России», 2021

Воспроизведение материалов в любой форме допускается только с письменного разрешения редакции

ISSN 2306-5001

The journal is in the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended by the Higher Attestation Commission

RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

**Volume 28. No. 9.
September 2021**

From 1993

EDITOR-in-CHIEF

Aleksey Vedev — Doctor of Economic Sciences, Head of the Center for Structural Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

DEPUTY EDITOR-in-CHIEF

Vyacheslav Morgunov — Doctor of Economic Sciences, Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

EDITORIAL BOARD

Vladimir Glinskiy — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM-NINH)

Sergey Drobyshevsky — Doctor of Economic Sciences, Scientific Director of the Gaidar Institute for Economic Policy

Anna Zolotareva — Candidate of Legal Sciences, Head of the Center for Legal Sciences, Gaidar Institute for Economic Policy

Pavel Kadochnikov — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher of the Center for Real Sector, Gaidar Institute for Economic Policy

Alexander Pogorletskiy — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of World Economy, Department of Economics, St. Petersburg State University

Alexander Radygin — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chairman of the Scientific Council, Head of the Center for Institutional Development, Ownership and Corporate Governance, Gaidar Institute for Economic Policy

Sergey Sinelnikov-Murylev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Academic Director of the Gaidar Institute for Economic Policy

Irina Starodubrovskaya — Candidate of Economic Sciences, Head of the Center for Political Economy and Regional Development, Gaidar Institute for Economic Policy

© Russian Economic Development, 2021

Any reproduction, in whatever form and by whatever media, is expressly prohibited without the prior written consent of the journal

Содержание

МАКРОЭКОНОМИКА

**Исполнение федерального бюджета за первое полугодие 2021 г.:
доходы превысили допандемийный уровень.** Белёв С. Г., Тищенко Т. В. 4

Банк России продолжил ужесточение денежно-кредитной политики
Божеčkова А. В., Трунин П. В. 8

**Восстановление экономической динамики в первом полугодии 2021 г.:
производство, инвестиции в основной капитал, жилищное строительство.**
Изряднова О. И., Ковалева М. А. 12

Внешняя торговля в январе–июле 2021 г.: рост неэнергетического экспорта.
Кнобель А. Ю., Фиранчук А. С. 21

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Динамика промышленного производства в мае–июле 2021 г.: факторы роста.
Каукин А. С., Миллер Е. М. 27

Российская промышленность в августе 2021 г.: дефицит работников.
Цухло С. В. 33

Хозяйственное обозрение (июнь–сентябрь 2021 г.).
Аукуционек С. П., Егоров А. С., Баширова И. А., Беляков С. В. 36

Экономическая ситуация в промышленности в первой половине 2021 г.
Аукуционек С. П., Батяева А. Е. 44

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

**Финансовые результаты банковского сектора в январе–июле 2021 г.:
увеличение прибыли.** Зубов С. А. 49

ИНФРАСТРУКТУРА

**Создание единого рынка транспортных услуг ЕАЭС:
анализ эффектов для экономик Узбекистана и Азербайджана.**
Ростислав К. В., Пономарев Ю. Ю., Алимбаева М. Б. 53

ОБРАЗОВАНИЕ

**Рейтинг регионов России по индексу соответствия образовательных
технологий в системе СПО требованиям гибкости и мобильности программ.**
Алашеев С. Ю., Посталюк Н. Ю., Репринцева Е. Г. 62

РЕГИОНЫ

Региональные бюджеты в первом полугодии 2021 г.: рост доходов.
Дерюгин А. Н. 73

Contents

MACROECONOMICS

Federal Budget Execution in H1 2021: Revenues Exceeded Pre-Pandemic Level. Belev S. G., Tischenko T. V.	4
Bank of Russia Keeps Tightening the Monetary Policy. Bozhechkova A. V., Trunin P. V.	8
Recovery of Economic Dynamics in H1 2021: Production, Investment in Fixed Assets, Housing Construction. Izryadnova O. I., Kovaleva M. A.	12
Foreign Trade in January–July 2021: Growth of Non-Energy Exports. Knobel A. Yu., Firanchuk A. S.	21

INDUSTRY

Industrial Production Dynamics in May–July 2021: Growth Factors. Kaukin A. S., Miller E. M.	27
Russian Industrial in August 2021: Shortage of Workers. Tsukhlo S. V.	33
Survey of Current Business (June–September 2021). Aukutsionek S. P., Yegorov A. S., Bachirova I. A., Belyakov S. V.	36
Economic Situation in the Industry in H1 2021. Aukutsionek S. P., Batyaeva A. Ye.	44

FINANCIAL SECTOR

Banking Sector’s Financial Performance in January–July 2021: Profit Growth. Zubov S. A.	49
--	----

INFRASTRUCTURE

Creation of a Common Market of Transportation Services with the EAEU Countries: Analysis of the Effects for the Economies of Uzbekistan and Azerbaijan. Rostislav K. V., Ponomarev Yu. Yu., Alimbaeva M. B.	53
--	----

EDUCATION

Russian Regions Rating According to the Educational Technology Conformity Index in VET-system to the Requirements of Programs Flexibility and Mobility. Alashev S. Yu., Postalyuk N. Yu., Reprintseva E. G.	62
--	----

REGIONS

Regional Budgets in H1 2021: Income Growth. Deryugin A. N.	73
---	----

Макроэкономика

ИСПОЛНЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ 2021 г.: ДОХОДЫ ПРЕВЫСИЛИ ДОПАНДЕМИЙНЫЙ УРОВЕНЬ

С. Г. БЕЛЁВ
Т. В. ТИЩЕНКО

По итогам первого полугодия 2021 г. доходы федерального бюджета превысили уровень аналогичного периода 2019 г., достигнув 20,9% ВВП. Основной вклад в этот результат внес рост поступлений по НДС, прежде всего за счет увеличения потребления непродовольственных товаров при незначительном росте потребления продовольственных (измеренного через физические объемы розничного оборота).

Ключевые слова: федеральный бюджет, доходы, нефтегазовые доходы, ненефтегазовые доходы, расходы, налоги.

JEL: H11, H50, H62, H63.

Доходы федерального бюджета за январь-июнь 2021 г. выросли как по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. (на 2,3 п.п. ВВП, или на 1,715,9 млрд руб.), так и по сравнению с первыми шестью месяцами 2020 г. (на 2,1 п.п. ВВП, или на 2173,9 млрд руб.). Кассовое исполнение по доходам в первом полугодии текущего года составило 60% относительно прогнозируемых годовых объемов, в том числе по нефтегазовым поступлениям — 63,1% и по ненефтегазовым — 58,6%.

Объем нефтегазовых доходов за первое полугодие 2021 г. составил 7,2% ВВП, или 3898,8 млрд руб., и в реальном выражении пока не достиг уровня поступлений за январь-июнь 2019 г.: разница составила -685,3 млрд руб. При этом по сравнению с первым полугодием 2020 г. динамика была положительной: рост составил 1379,3 млрд руб., или 2 п.п. ВВП.

Объем дополнительных нефтегазовых доходов за исследуемый период составил 851,4 млрд руб. при средней цене на нефть 63,3 долл./барр. против 39,6 млрд руб. за пер-

вые шесть месяцев предыдущего года при средней цене на нефть 39,7 долл./барр.¹. (См. табл. 1.)

Нефтегазовые доходы федерального бюджета за январь-июнь 2021 г. выросли как относительно аналогичного допандемийного периода в ценах 2019 г. на 1497,5 млрд руб., так и по сравнению с тем же временным интервалом 2020 г. на 894,6 млрд руб., или на 0,1 п.п. ВВП. Рост налоговых ненефтегазовых доходов составил² 790,7 млрд руб. в реальном выражении относительно января-июня 2019 г. и 1297,1 млрд руб. и 1,4 п.п. ВВП к первому полугодю 2020 г.

Основной вклад в увеличение ненефтегазовых доходов внес рост поступлений по НДС, что обусловлено восстановлением потребления. В частности, оперативные данные Росстата показывают расширение розничного оборота в сопоставимых ценах в первом полугодии 2021 г. относительно аналогичного периода 2019 г. в размере около 4%. При этом розничный оборот продовольственных товаров,

Белёв Сергей Геннадьевич, заведующий лабораторией бюджетной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: belev@iep.ru; Тищенко Татьяна Владимировна, старший научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: tishenko@iep.ru

¹ С учетом корректировок по возмещению акциза.

² Без учета доходов от импортных акцизов.

Таблица 1
Основные параметры исполнения федерального бюджета за первое полугодие 2019–2021 гг.

	Январь-июнь 2019 г.		Январь-июнь 2020 г.		Январь-июнь 2021 г.		Изменение: 2021 г. относительно 2019 г.		
	млрд руб.	% ВВП	млрд руб.	% ВВП	млрд руб.	% ВВП	млрд руб. (в ценах 2019 г.)	п.п. ВВП	
Доходы	9549,9	18,7	9091,9	18,8	11 265,8	20,9	1715,9	812,2	2,3
в том числе:									
Нефтегазовые	4269,5	8,4	2517,5	5,2	3896,8	7,2	-372,7	-685,3	-1,1
из них:									
НДПИ	3116,9	6,1	1983,0	4,1	3014,9	5,6	-102,0	-343,8	-0,5
Вывозные пошлины	1152,6	2,3	534,5	1,1	881,9	1,6	-270,7	-341,5	-0,6
Нефтегазовые	5280,4	10,3	6574,4	13,6	7369,0	13,7	088,6	1497,5	3,4
из них:									
Налог на прибыль организаций	585,8	1,1	536,8	1,1	636,7	1,2	50,9	-0,2	0,0
НДС на товары, реализуемые в РФ	2059,6	4,0	2078,6	4,3	2651,0	4,9	591,4	378,8	0,9
НДС на товары, ввозимые в РФ	1299,2	2,5	1255,1	2,6	1730,4	3,2	431,2	292,4	0,7
Акцизы на товары, реализуемые в РФ	380,1	0,7	466,7	1,0	487,4	0,9	107,3	68,2	0,2
Ввозные таможенные пошлины	335,9	0,7	292,4	0,6	421,2	0,8	85,3	51,5	0,1
Прочие доходы	619,8	1,2	1944,8	4,0	1442,3	2,7	822,5	706,8	1,5
Расходы	7854,1	15,4	9915,0	20,5	10 491,1	19,5	2637,0	1795,5	4,1
в том числе:									
Процентные	356,4	0,7	349,7	0,7	506,1	0,9	149,7	109,1	0,2
Непроцентные	7497,7	14,7	9565,3	19,8	985,0	18,6	487,3	1686,4	3,9
Профицит (+) / Дефицит (-)	1695,8	3,3	-823,1	-1,7	774,7	1,4	-921,1	-983,2	-1,9
Нефтегазовый профицит (+) / дефицит (-)	-2573,7	-5,0	-3340,6	-6,9	-3122,1	-5,8	-548,4	-298,0	-0,8
<i>Справочно: ВВП (в текущих ценах), млрд руб.</i>		51 120		48 419		53 800			

Источник: Минфин России, Федеральное казначейство, Росстат, расчеты авторов. ВВП за второй квартал 2021 г. – оценка авторов.

среди которых весомая доля принадлежит товарам, облагаемым по льготной ставке НДС, в физическом выражении вырос менее чем на 1%. Розничный оборот непродовольственных товаров увеличился в постоянных ценах примерно на 7%. (К непродовольственным товарам относятся, в том числе, товары длительного пользования, отложенный спрос на которые также внес свой вклад в увеличение потребности в непродовольственных товарах.)

Расходы федерального бюджета в первом полугодии 2021 г. относительно аналогичного периода предыдущего года выросли на 576,1 млрд руб., но в долях ВВП сократились на 1,0 п.п. при сопоставимом уровне кассового исполнения – около 45% от утвержденного годового объема. (См. табл. 2.)

Претерпела изменения и структура расходной части федерального бюджета. Увеличился объем бюджетных ассигнований по разделу «Национальная экономика» на 0,6 п.п. ВВП, направляемых на дальнейшую поддержку производства и финансового сектора. Сократились расходы по разделу «Социальная поли-

тика» на 0,9 п.п. ВВП. Также отмечено снижение объемов финансирования по разделу «Межбюджетные трансферты» на 0,6 п.п. ВВП, что связано с низким темпом освоения средств, составившим (в процентах к утвержденному годовому объему) за январь-июнь 2021 г. 45,2% против 60,8% годом ранее.

Темпы прироста доходов федерального бюджета за первое полугодие текущего года опережали динамику расходов, что позволило нарастить бюджетный профицит до 747,7 млрд руб. против отрицательного баланса исполнения бюджета по итогам первых шести месяцев 2020 г. в объеме -823,1 млрд руб.

Несмотря на положительное сальдо исполнения бюджета, заимствования на внутреннем рынке не сокращаются: за первую половину 2021 г. они составили 1536,0 млрд руб. (41,9% от утвержденного годового объема) против 1612,6 млрд руб. за аналогичный период предыдущего года. Объем средств, направленных на погашение внутренних заимствований, в первом полугодии 2021 г. составил 262 млрд руб., или 26,6% от утвержденного годового

Таблица 2
Расходы федерального бюджета в первом полугодии 2020 и 2021 гг.

	Январь-июнь 2020 г.		Январь-июнь 2021 г.		Изменение	
	млрд руб.	% ВВП	млрд руб.	% ВВП	млрд руб.	п.п. ВВП
Расходы – всего	9915,0	20,5	10 491,1	19,5	576,1	-1,0
в том числе:						
Общегосударственные вопросы	647,9	1,3	719,0	1,3	71,1	0,0
Национальная оборона	1514,8	3,1	1522,5	2,8	7,7	-0,3
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	948,7	2,0	994,0	1,8	45,3	-0,1
Национальная экономика	1045,5	2,2	1507,5	2,8	462,0	0,6
Жилищно-коммунальное хозяйство	155,6	0,3	255,2	0,5	99,6	0,2
Охрана окружающей среды	124,0	0,3	215,9	0,4	91,9	0,1
Образование	448,1	0,9	535,5	1,0	87,4	0,1
Здравоохранение	654,8	1,4	573,0	1,1	-81,8	-0,3
Социальная политика	3194,8	6,6	3046,4	5,7	-148,4	-0,9
Обслуживание государственного долга	349,7	0,7	506,1	0,9	156,4	0,2
Межбюджетные трансферты	710,4	1,5	490,9	0,9	-219,5	-0,6
Прочие расходы	120,7	0,2	125,1	0,2	4,4	0,0

Источник: Федеральное казначейство, расчеты авторов.

объема (за аналогичный период 2020 г. — 516,5 млрд руб., 88,3% от утвержденного годового объема). Объем средств, привлеченных на внешнем рынке, составил 134,2 млрд руб., или 61,8% от годового объема. Укрепление рубля, начавшееся весной текущего года, привело к снижению стоимости валютных активов; таким образом, курсовая разница, учитываемая в качестве источника погашения дефицита бюджета, составила 354,7 млрд руб.

Объем Фонда национального благосостояния в рублевом эквиваленте увеличился за первые шесть месяцев текущего года на 28,9 млрд руб. и на 1 июля 2021 г. составил 13,574 трлн руб.

Увеличение доходов федерального бюджета связано со значительными поступлениями НДС. Это, в свою очередь, обусловлено ростом потребления домашних хозяйств, главным образом за счет непродовольственных товаров и при незначительном увеличении потребления продовольственных (измеренного через физические объемы розничного оборота). Подобного рода динамика косвенно свидетельствует о том, что за расширением потребления стоит отложенный из-за пандемии спрос на товары длительного пользования. В таком случае основной фактор роста поступлений в федеральный бюджет к 2022 г. может быть исчерпан. ■

Federal Budget Execution in H1 2021: Revenues Exceeded Pre-Pandemic Level

Sergey G. Belev — Head of Budget Policy Department of the Gaidar Institute for Economic Policy; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: belev@iep.ru

Tatyana V. Tishchenko — Senior Researcher of the Gaidar Institute for Economic Policy; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: tishchenko@iep.ru

According to the results of H1 2021, the federal budget revenues exceeded the level of 2019, hitting 20.9% of GDP. The main contribution to this outcome was made by an increase in VAT receipts, primarily due to an increase in the consumption of non-food products with a slight increase in the consumption of food products (measured in terms of physical volumes of retail turnover).

Key words: federal budget, revenue, oil and gas revenues, non-oil and gas revenues, expenditure, taxes.

JEL-codes: H11, H50, H62, H63.

БАНК РОССИИ ПРОДОЛЖИЛ УЖЕСТОЧЕНИЕ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ

А. В. БОЖЕЧКОВА
П. В. ТРУНИН

На сентябрьском заседании Совета директоров ЦБ РФ принял решение об ужесточении денежно-кредитной политики. Ключевая ставка была увеличена на 0,25 п.п. — до 6,75% годовых, что является максимальным значением с декабря 2019 г. Это обусловлено ускорением инфляции вследствие расширения спроса в условиях сохраняющихся проблем с предложением товаров и услуг, а также повышением мировых цен. По итогам августа 2021 г. инфляция в годовом выражении достигла 6,7%, приблизившись к рекордным значениям за последние пять лет. По нашим оценкам, инфляция в текущем году окажется не ниже 6%, что говорит о возможном продолжении ужесточения денежно-кредитной политики.

Ключевые слова: инфляция, денежно-кредитная политика, ключевая ставка, отток капитала, Банк России.

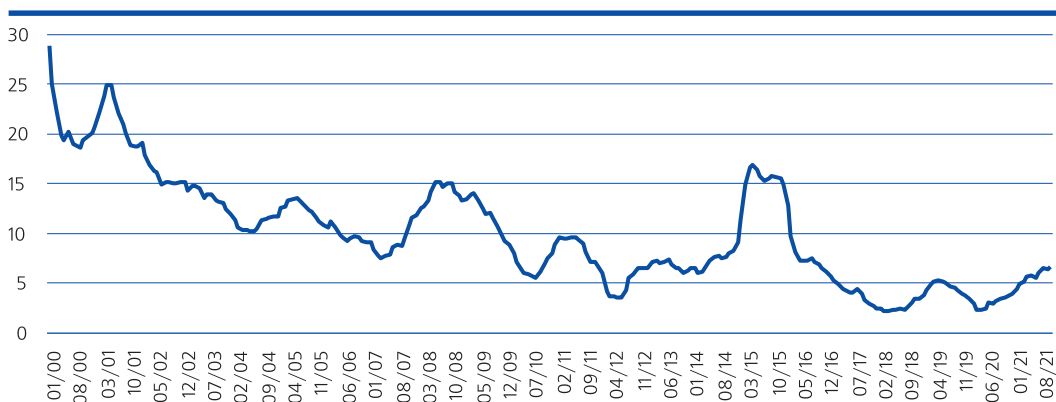
JEL: E31, E52, F31.

10 сентября 2021 г. по итогам заседания Совета директоров Банка России было принято решение о повышении ключевой ставки на 0,25 п.п. — до 6,75% годовых, что является максимальным значением с декабря 2019 г. Это уже пятое повышение ключевой ставки за текущий год после того, как в марте она была увеличена на 0,25 п.п. — до 4,5% годовых, в апреле и июне — по 0,5 п.п. — до 5,5% годовых, в июле — на

1 п.п. — до 6,5% годовых. Это решение связано с действием устойчивых проинфляционных факторов в условиях быстрого расширения спроса при ограниченных возможностях наращивания предложения многих товаров.

Сентябрьское повышение ключевой ставки оказалось минимальным (на 0,25 п.п.) в отличие от резкого июльского шага в 1 п.п., что, по всей видимости, свидетельствует о постепен-

Рис. 1. Инфляция в 2000–2021 гг., в % к соответствующему месяцу предыдущего года

Источник: Росстат.

Божечкова Александра Викторовна, заведующий лабораторией денежно-кредитной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: bojeshkova@ier.ru; Трунин Павел Вячеславович, руководитель Научного направления «Макроэкономика и финансы» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; директор Центра изучения проблем центральных банков РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р экон. наук (Москва), e-mail: pt@ier.ru

ном приближении к пику цикла повышения ставок, который может быть достигнут уже в текущем году. Продолжение ужесточения монетарной политики было обоснованным: по итогам августа инфляция (ИПЦ) выросла к августу предыдущего года до 6,7% (3,6% в августе 2020 г., 4,3% в августе 2019 г.), превысив целевой ориентир ЦБ РФ, составляющий 4% в аналогичном измерении, на 2,7 п.п. и приблизившись к рекордным значениям за последние пять лет (6,9% в августе 2016 г. к августу 2015 г.). (См. рис. 1.) Отметим, что ускорение инфляции наблюдается в большинстве стран мира и вызвано быстрым восстановлением совокупного спроса, дополнительно стимулируемым государственными мерами поддержки, при сохраняющихся проблемах с совокупным предложением из-за пандемии.

Об устойчивом характере инфляционных процессов свидетельствует и динамика базовой инфляции (без учета цен, связанных с сезонными и административными факторами). Так, в период с января по август 2021 г. она непрерывно увеличивалась с 4,6% (в январе 2021 г. к январю 2020 г.) до 7,1% (в августе 2021 г. к августу 2020 г.) (3,1% в августе 2020 г. к августу 2019 г., 4,3% в августе 2019 г. к августу 2018 г.).

За август 2021 г. потребительские цены выросли на 0,17%, несмотря на сезонную дефляцию на продовольственные товары, достигшую -0,51% (-0,77% в августе 2020 г.). Наибольший вклад в замедление инфляции внесло снижение цен на плодоовощную продукцию (-8,39% в августе 2021 г. против -8,30% в августе 2020 г.).

Рост цен на непродовольственные товары в августе текущего года достиг 0,8% (0,4% в августе 2020 г.). По мере активного расширения спроса на непродовольственные товары быстрее всего за месяц подорожали телерадиотовары (2,2% в августе 2021 г. против 0,1% в августе 2020 г.), электротовары и другие бы-

товые приборы (соответственно 0,8 и 0,4%), автомобильный бензин (соответственно 1,4 и 0,3%).

Платные услуги населению за август подорожали на 0,32% (0,37% в августе 2020 г.). При этом достаточно быстро росли цены на гостиничные услуги (+3,4%) и услуги пассажирского транспорта (+2,1%), что объясняется сезонным ростом спроса на подобные услуги и ограничениями на зарубежные поездки.

Ключевым проинфляционным фактором остается быстрое восстановление потребительского спроса по сравнению с возможностями наращивания выпуска. Так, темпы прироста розничного товарооборота в июле 2021 г. к июлю 2020 г. достигли 4,7% против -0,5% в июле 2020 г. к июлю 2019 г. и +1,5% в июле 2019 г. к июлю 2018 г. Темпы прироста реальной заработной платы населения существенно увеличились и в июле 2021 г. составили 4,9% относительно июля 2020 г. (0,6% в июле 2020 г. к июлю 2019 г., 2,9% в июле 2019 г. к июлю 2018 г.). По оценкам Сбериндекса¹, в августе 2021 г. потребительские расходы населения выросли в номинальном выражении на 16,2% по сравнению с августом 2020 г. (0,4% в августе 2020 г. к августу 2019 г.), в том числе в результате единовременных выплат родителям школьников в размере 10 тыс. руб.

Ускорению инфляции в РФ способствует рост мировых цен на большинство товаров и услуг. Так, за период с января по август 2021 г. мировые цены на удобрения повысились на 65,9%, на металлы – на 19,5%, на минеральное сырье – на 23,3%, на энергоресурсы – на 51,9%². Индекс продовольственных цен вырос со 108,5% в декабре 2020 г. до 127,4% в августе 2021 г. За январь-август 2021 г. мировые цены на мясо увеличились на 18,7%, на зерно – на 12%, на сахар – на 37,9%, на растительные масла – на 26,4%³.

Рост инфляции наблюдается и в развитых, и в развивающихся странах. За период с янва-

¹ URL: <https://sberindex.ru/>

² URL: <https://www.worldbank.org/en/research/commodity-markets>

³ Данные Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН. URL: <http://www.fao.org/>

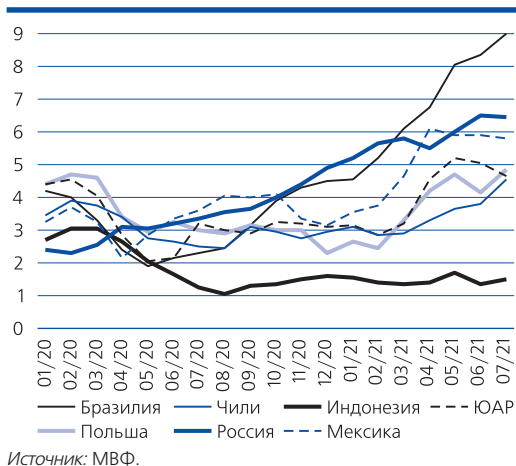
ря по август 2021 г. инфляция (измеренная индексом потребительских цен по отношению к аналогичному месяцу предыдущего года) увеличилась в США с 1,4 до 5,3%, в Германии — с 1 до 3,9%, в Канаде — с 1 до 4,1%. Повышение инфляции характерно для развивающихся стран, таргетирующих ее: в Бразилии она выросла с 4,6 до 9,7%, в ЮАР — с 3,2 до 4,6%, в Польше — с 2,6 до 5,5%. (См. рис. 2 и 3.)

По данным опроса ООО «ИнФОМ», в августе текущего года инфляционные ожидания в России снизились на 0,9 п.п. — до 12,5%. Они продолжают находиться на устойчиво высоком уровне вблизи многолетних максимумов. По данным мониторинга, проведенного Банком России⁴, баланс ответов предприятий по поводу ожидаемой ценовой динамики увеличился с 25,3 п.п. в июле 2021 г. до 25,9 п.п. в августе 2021 г., оставаясь выше максимумов 2019–2020 гг. Причиной усиления ценовых

ожиданий предприятий, согласно отчету «ИнФОМ», остается рост издержек.

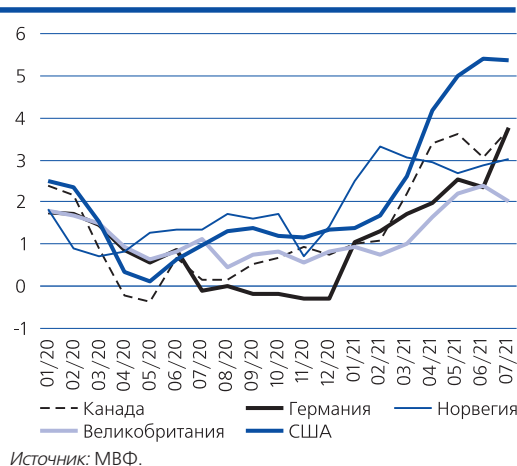
Некоторое снижение инфляционных ожиданий населения в августе могло быть связано с укреплением рубля летом. В условиях стабильной ситуации на валютном рынке в летние месяцы курс рубля находился вблизи своих фундаментально обоснованных значений⁵. Отметим, что функционирующее в России бюджетное правило препятствует укреплению рубля в период благоприятной конъюнктуры мирового рынка нефти и сдерживает его обесценение в условиях падения цены на нефть ниже цены отсечения. По итогам августа курс рубля составил 73,57 руб./долл. Поддержку рублю оказывают стабильно высокая цена на нефть в условиях восстановления мировой экономики, повышение ключевой ставки Банка России и рост привлекательности российских активов.

Рис. 2. Инфляция в 2020–2021 гг. в ряде развивающихся стран, в % к соответствующему месяцу предыдущего года

Источник: МВФ.

Рис. 3. Инфляция в 2020–2021 гг. в ряде развитых стран, в % к соответствующему месяцу предыдущего года

Источник: МВФ.

⁴ URL: http://www.cbr.ru/statistics/ddkp/price_expectations/

⁵ Оценки получены на основе модели номинального валютного курса, учитывающей в качестве факторов цены на нефть, дифференциал ставок процента в России и за рубежом, индекс волатильности на финансовых рынках Vix, а также дамми-переменную на валютные интервенции Минфина России (подробнее см.: Божечкова А.В., Синельников-Мурылев С.Г., Трунин П.В. Факторы динамики обменного курса рубля в 2000-е и 2010-е годы // Вопросы экономики. 2020. № 8. С. 1–18. / Bozhechkova A.V., Sinelnikov-Murylev S.G., Trunin P.V. Factors of the ruble exchange rate dynamics in the 2000-s and 2010-s // Voprosy Ekonomiki. 2020. No. 8. Pp. 1–18).

Мы полагаем, что принятое 10 сентября Банком России решение о повышении ключевой ставки, а также сигнал о высокой вероятности ее дальнейшего повышения на ближайших заседаниях будут способствовать снижению уровня инфляции и инфляционных ожиданий уже осенью. Тем не менее, учитывая действие проинфляционных факторов, инфляция еще продолжительное время будет нахо-

диться выше целевого ориентира в 4%. В условиях ужесточения денежно-кредитной политики годовая инфляция начнет снижаться в четвертом квартале текущего года и будет постепенно возвращаться к целевому уровню в 2022–2023 гг. По нашим оценкам, по итогам 2021 г. инфляция в России окажется не ниже 6% (декабрь 2021 г. к декабрю 2020 г.), а ключевая ставка — не ниже 7% годовых. ■

Bank of Russia Keeps Tightening the Monetary Policy

Alexandra V. Bozhechkova — Head of Monetary Policy Department of the Gaidar Institute for Economic Policy; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: bojechkova@iep.ru

Pavel V. Trunin — Head of Center for Macroeconomics and Finance of the Gaidar Institute for Economic Policy; Director of Center for Central Banks Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: pt@iep.ru

In September, the Central Bank of Russia's Board of Directors took a decision to tighten the monetary policy. The key interest rate was raised by 0.25 p.p. to 6.75% per annum, the maximum value since December 2019. Such an increase was substantiated by intensified inflationary pressures on the back of expansion of demand amid existing problems related to supply of goods and services, as well appreciation of global prices. From results for August 2021, year-on-year inflation amounted to 6.7%, close to the 5-year heights. In our opinion, in 2021 the inflation rate is going to be equal to over 6% and this suggests further tightening of the monetary policy.

Key words: inflation, monetary policy, key rate, capital outflow, Bank of Russia.

JEL-codes: E31, E52, F31.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2021 г.: ПРОИЗВОДСТВО, ИНВЕСТИЦИИ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ, ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

О. И. ИЗРЯДНОВА

М. А. КОВАЛЕВА

Восстановление роста ВВП в первом полугодии 2021 г. поддерживалось опережающим ростом инвестиций в основной капитал, динамикой строительного комплекса и обрабатывающих производств при увеличении вклада чистого экспорта. Рост доходов и сбережений определил возможность расширения ресурсной базы инвестиционно-строительной деятельности в условиях адаптации пространственно-территориальной, отраслевой и видовой динамики к растущему внутреннему и внешнему спросу.

Ускорение роста жилищного строительства поддерживалось увеличенным спросом на жилье при действии льготных ипотечных программ и мотивации населения к практическому решению проблем повышения комфортности жизнедеятельности.

Ключевые слова: ВВП, доходы экономики, обрабатывающие производства, инвестиционно-строительный комплекс, жилищное строительство.

JEL: F21, E21, E22, E60, H54.

Рост ВВП во втором квартале 2021 г. на 10,3% по сравнению с показателем его критического падения (-7,8%) годом ранее определил полное преодоление негативных последствий острой фазы локдауна экономической и социальной активности в первом полугодии 2020 г. (+4,8%) и выход на траекторию роста относительно первого полугодия 2019 г. (+1,2%). Ускорение экономической динамики во втором квартале нынешнего года было обусловлено структурными изменениями факторов восстановительного роста на фоне высокой дифференциации воздействия эпидемиологического кризиса на характеристики производства товаров и услуг и использования ресурсов на инвестиции и текущее потребление. После периода временного вынужденного подавления спроса и сбоя в цепочках производственных и транспортно-логистических поставок на характер восстановления экономики существенное влияние оказали повышение уровня инфляции, изменение структуры цен и издержек.

Особенности восстановления российской экономики в первой половине 2021 г. опреде-

лялись опережающим ростом инвестиций в основной капитал (107,3%), работ в строительстве (105,1%) и обрабатывающих производств (106,0%) относительно динамики ВВП (104,8%).

Рост спроса на внутреннем и внешнем рынке был поддержан расширением предложения добывающего сектора (101,5% к январю-июлю 2020 г.), а также транспортно-логистических (105,7%), торговых (109,3%) и платных потребительских услуг (119,4%).

С изменением конъюнктуры и спроса мирового рынка внешнеторговый оборот российской экономики в первом полугодии 2021 г. увеличился на 29,8% относительно показателя, зафиксированного годом ранее, что сократило разрыв с допандемийным уровнем соответствующего периода 2019 г. до 98,0%. При опережающем росте экспорта (130,6% к январю-июлю 2020 г.) относительно импорта (128,6%) повысился вклад чистого экспорта в динамику ВВП.

На структурные характеристики внешней торговли позитивное влияние в рассматриваем-

Изряднова Ольга Ивановна, заведующий лабораторией структурных проблем экономики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; ведущий научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: izryad@ier.ru; Ковалева Марина Александровна, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: KovalevaM@ranepa.ru

мый период оказывали опережающие темпы роста несырьевого неэнергетического экспорта, которые стимулировали увеличение предложения обрабатывающих производств лесохимического, машиностроительного, металлургического комплексов. Вместе с тем следует подчеркнуть, что опережающий рост экспорта продукции нижних и средних переделов относительно продукции высоких переделов при сложившейся технологической структуре производственных мощностей сопровождался наращиванием доли импорта промежуточных и инвестиционных товаров с высокой долей добавленной стоимости. С другой стороны, увеличение доли импорта инвестиционных и промежуточных товаров в структуре формирования внутренних ресурсов оказало позитивное влияние на темпы восстановления экономической активности, особенно в средне- и высокотехнологичных ее видах, и позволило несколько ослабить дисбалансы спроса и предложения на соответствующих сегментах рынка.

Макроэкономический аспект инвестиционной модели зависит от динамики и структуры основных индикаторов реального сектора и денежно-финансового рынка, а также от характеристик воспроизводства и использования основных факторов производства в целом по экономике, по регионам и видам экономической деятельности. Вторым аспектом инвестиционной модели является определение институциональной среды, норм и правил регулирования инвестиционной деятельности, системы возможностей и рисков, связанных с изменением экономических, инфраструктурных и организационно-управленческих факторов. И третий аспект включает в себя определение механизмов взаимодействия различных субъектов инвестиционного процесса (государственный и корпоративный сектора, домашние хозяйства, иностранные инвесторы) и принятие инвестиционных решений хозяйствующими субъектами. Следует также особенно учитывать роль инвестиционной модели в зависимости от временного интервала: в кратко-

срочном плане экономический рост может определяться системой некапиталоемких факторов развития, в частности снижением инфляции, сокращением издержек, закрытием неэффективных производств; в средне- и долгосрочном периодах роль инвестиций существенно возрастает, что связано с необходимостью решения глубоких структурных проблем модернизации производства и повышения конкурентоспособности экономики, а также продуктивности деятельности крупных компаний и предприятий малого и среднего бизнеса.

Потенциальные ресурсы для инвестиционной деятельности в рассматриваемый период были обусловлены формированием сберегательной модели. Восстановительный рост экономики сопровождался расширением объема доходов предприятий и организаций под воздействием факторов увеличения объемов выпуска, повышения цен производителей и финансовой поддержки системообразующих предприятий. Сальдированный финансовый результат деятельности крупных предприятий и организаций в целом по экономике в первом полугодии 2021 г. в 2,6 раза превысил и практически полностью перекрыл убытки соответствующего периода предыдущего года. Рентабельность проданных товаров в целом по экономике с 7,7% в первом полугодии 2020 г. увеличилась до 12,5% в первом полугодии текущего года. В структуре ВВП по доходам повысилась доля валовой прибыли и смешанных доходов предприятий и организаций.

Динамика расходов домашних хозяйств находилась в зависимости от возрастающего давления реализации накопленного отложенного спроса на покупку товаров и услуг, усиления мотивации к инвестиционным вложениям, в том числе на рынке недвижимости как инструмента сохранения сбережений на фоне растущей инфляции и процентной политики по банковским вкладам и ипотечным кредитам. Доля прироста сбережений в доходах населения в целом по экономике во втором квартале 2021 г. составила 7,3% против 6,9% го-

дом ранее, при этом рост сбережений принял фронтальный характер во всех регионах.

Рост доходов нефинансового сектора экономики и сбережений определил возможности расширения ресурсной базы инвестиционно-строительной деятельности.

Инвестиционные ресурсы в исследуемый период формировались под воздействием доминирующей роли собственных средств предприятий и организаций: в первом полугодии 2021 г. доля инвестиций, осуществляемых за счет собственных средств организаций, достигла 61,9% от общего объема инвестиций в основной капитал. При накопленных собственных средствах и повышении ключевой ставки до 6,75% годовых (+2,5 п.п. за период марта-сентября 2021 г.) активность предприятий и организаций на рынке заимствований несколько ослабла.

Доля кредитов российских банков в объеме инвестиционных ресурсов в первой половине 2021 г. составила 7,7% и уменьшилась относительно аналогичного периода предыдущего года на 0,3 п.п. В структуре источников финансирования инвестиций в основной капитал увеличение доли кредитов иностранных банков до 2,0% (+0,2 п.п. к уровню 2020 г.) и сохранение доли инвестиций из-за рубежа на уровне 0,4% частично компенсировали общее снижение удельного веса кредитов банков в финансировании инвестиционных программ.

В структуре привлеченных инвестиционных средств продолжало возрастать бюджетное финансирование: доля бюджетных средств в первом полугодии 2021 г. повысилась к показателю, зафиксированному годом ранее, до 13,3% (+0,5 п.п.) при увеличении вклада бюджетов субъектов Российской Федерации до 6,9% (+0,6 п.п.).

Структура финансирования инвестиций в основной капитал в исследуемый период была дифференцирована по регионам в зависимости от их структурных особенностей, финансовых результатов и скорости преодоления последствий локдауна по видам экономиче-

ской деятельности, а также от реализации системы мер государственной поддержки.

Сокращение объема инвестиций в основной капитал в первой половине 2021 г. относительно аналогичного показателя предыдущего года было зафиксировано в Южном (97,9%) и Уральском (86,5%) федеральных округах. В структуре источников финансирования инвестиций Южного федерального округа небольшое падение доминирующей доли федеральных средств и кредитов банков было связано с завершением реализации крупных инвестиционных проектов и не компенсировалось мобилизацией собственных средств нефинансовых организаций. В Уральском федеральном округе снижение показателей строительно-инвестиционной деятельности определялось главным образом торможением инвестиций в основной капитал добывающих производств при падении объемов и рентабельности добычи углеводородов и сопровождалось частичным замещением собственных средств и кредитов банков привлечением средств акционерных компаний, промышленно-финансовых групп и иностранных инвестиций. В Дальневосточном федеральном округе в первой половине 2021 г. восстановление инвестиционной активности поддерживалось за счет повышения участия банков, акционерного капитала и иностранных инвестиций, на совокупную долю которых приходилось почти 2/5 объема финансирования инвестиционных программ и проектов.

На восстановление инвестиций в основной капитал Приволжского федерального округа безусловно позитивное влияние, с учетом отраслевой структуры, оказали меры правительства по поддержке системообразующих предприятий за счет наращивания доли средств федерального бюджета в источниках финансирования строительно-инвестиционной деятельности. В Центральном федеральном округе ускорение инвестиций в основной капитал до 16,4% относительно первого полугодия 2020 г. было поддержано мобилизацией собственных средств пред-

приятый при увеличении вклада бюджетных средств субъектов Федерации и кредитов банков. После глубокого падения инвестиций в основной капитал в Северо-Западном федеральном округе в первом полугодии предыдущего года (-4,4%) слабый прирост в том же периоде текущего (+1,7%) был обусловлен увеличением доли кредитов банков при стабилизации вклада бюджетных средств и сохранении высокой доли средств акционерного капитала и промышленных групп, что и отличает финансирование инвестиционных программ в данном федеральном округе от Центрального.

Финансирование инвестиций в Сибирском и Уральском федеральных округах находилось в зависимости от доминирования собственных средств предприятий и организаций, высокой доли привлечения акционерного капитала и от других средств при показателях доли бюджетных средств существенно ниже среднего по российской экономике значения. На инвестиционную деятельность Северо-Кавказского федерального округа влиял исключительно высокий уровень участия в ней федеральных средств и привлеченных кредитов банков по сравнению с другими округами. (См. табл. 1.)

С восстановлением экономического роста в первой половине 2021 г. динамика объемов строительных работ поддерживалась одновременным увеличением ввода зданий и площадей жилого и нежилого назначения. При этом в отличие от ситуации 2020 г. в текущем году был зафиксирован опережающий рост ввода объектов и площадей зданий коммерческого, административного и социального назначения относительно динамики жилого. Следует отметить, что изменение условий функционирования бизнеса и формирование новых ниш спроса на рынке социальных, инфраструктурно-логистических и информационных услуг инициировали ускорение темпов обновления технологий и основных фондов. Это стало одним из факторов увеличения доли расходов на машины и оборудование, а также на объекты

интеллектуальной собственности и информационное, компьютерное и телекоммуникационное оборудование, которое создает условия для дальнейшего развития цифровых технологий. (См. табл. 2.)

В первом полугодии 2021 г. рост инвестиций в основной капитал машиностроительно-химико-фармацевтического (128,9% к аналогичному периоду 2020 г.) и транспортного (116,5%) комплексов происходил вследствие роста импорта инвестиционных товаров, технологий и расширения практики лизинга машин, оборудования и транспортных средств.

Во втором квартале 2021 г. пространственно-территориальная экономическая динамика постепенно адаптировалась к растущему внутреннему и внешнему спросу. В Северо-Западном, Приволжском и Уральском федеральных округах ускорились темпы роста машиностроительных производств под влиянием повышения инвестиционного, потребительского спроса и экспорта. В Дальневосточном и Сибирском округах реализовывались планы по наращиванию производства, оптимизации логистики и освоению новых направлений экспорта. Сохранялась позитивная динамика инвестиций в сельское хозяйство в аграрных регионах Центрального, Южного, Сибирского, Приволжского федеральных округов. Усиление потребительской активности стимулировало создание новых форматов и объектов инфраструктуры торговли, общественного питания, гостиничных, туристических и рекреационно-развлекательных услуг при увеличении инвестиций в этих видах деятельности в регионах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов.

Сравнительный анализ динамики жилищного строительства по регионам показывает, что в первом полугодии 2021 г. во всех федеральных округах фиксировался рост ввода жилой площади. В зависимости от активности инвесторов на рынке недвижимости, мощностей строительных организаций, особенностей спроса и доходов населения опережающий

Таблица 1
Структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования (без субъектов малого предпринимательства и параметров неформальной деятельности) по федеральным округам в первом полугодии 2021 г., в % к итогу*

	Федеральные округа																							
	Российская Федерация			Северо-Западный			Южный			Северо-Кавказский			Приволжский			Уральский			Сибирский			Дальне-восточный		
	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	
Инвестиции в основной капитал – всего	61,2 (+0,3)	56,5 (+3,3)	60,5	49,2 (+6,8)	35,6 (+2,2)	67,9	70,8	71,7 (+3,3)	50,0	38,8	43,5	39,5 (+1,1)	50,8	64,4	32,1 (+0,3)	29,2 (+1,9)	28,3	50,0 (+4,2)						
Собственные средства	13,3 (+0,5)	18,4 (-0,5)	13,2 (0)	23,5 (-1,4)	36,4 (-0,2)	12,8 (+2,5)	4,4 (+0,4)	8,2 (-0,7)	10,3 (-0,6)	5,5 (-0,1)	4,3 (-1,4)	7,3 (+0,3)	16,3 (-2,3)	27,8 (+2,4)	7,9 (+3,5)	1,0 (+0,1)	4,0 (-0,6)	5,7 (-0,5)						
Привлеченные средства	6,9 (+0,6)	13,6 (+0,9)	5,4 (+0,1)	5,4 (+0,8)	6,8 (-1,8)	3,9 (-1,1)	2, (-0,2)	3,4 (-0,1)	3,9	9,7 (+0,1)	10,7 (+1,2)	7,5 (+3,7)	12,8 (-4,3)	21,8 (+0,7)	8,6 (-1,2)	6,0 (-2,6)	3,4 (-2,9)	20,8 (+2,4)						
Бюджетные средства	2,7 (-1,5)	6,3 (-4,0)	2,6 (-1,6)	1,3 (-1,3)	6,2 (-0,8)	1,0 (-0,8)	0,5 (-0,9)	1,0 (-0,1)	0,2	13,1 (+0,8)	8,1 (0)	16,2 (-1,0)	13,2 (+0,2)	6,2 (-1,9)	9,7 (-0,2)	18,3 (+4,6)	15,7 (+1,2)	18,7 (+2,5)						
Прочие	107,3	116,4	101,7	97,9	117,4	104,3	86,5	108,3	114,9	106,4	114,8	90,8	99,9	116,0	105,4	104,7	122,0	97,8						
Средства организаций и населения на доленое строительство																								
Кредиты банков																								
Средства организаций и населения на доленое строительство																								
Прочие																								
Справочно: в % к соответствующему периоду предыдущего года:																								
Инвестиции в основной капитал																								
Объем работ в строительстве																								

* – В скобках указано изменение структуры относительно первого полугодия 2020 г.

Источник: Росстат.

рост ввода жилой площади многоквартирных домов в Дальневосточном и Приволжском федеральных округах компенсировал в них сдержанное расширение индивидуального жилищного строительства, а в Южном федеральном округе, напротив, увеличение доли и темпов ввода жилой площади индивидуальных домов

ослабило влияние сокращения ввода многоквартирных домов. (См. рисунок.)

Ускорение роста жилищного строительства было обусловлено повышенным спросом на жилье в условиях действия льготных ипотечных программ и привлекательности жилья как средства сбережения при сниже-

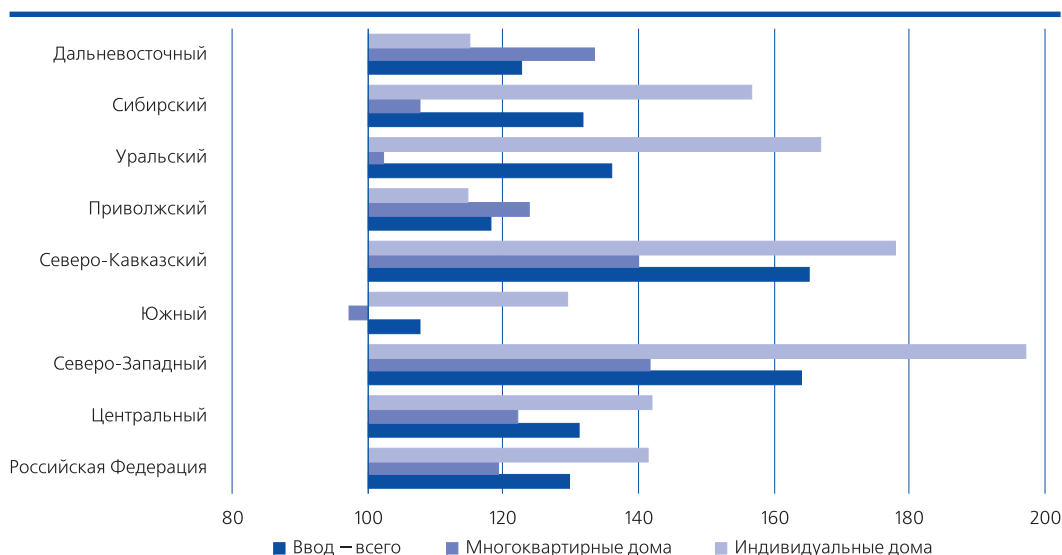
Таблица 2

Видовая структура инвестиций в основной капитал ((без субъектов малого предпринимательства и параметров неформальной деятельности) в первом полугодии 2018–2021 гг., в % к итогу

	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Инвестиции в основной капитал - всего	100	100	100	100
в том числе:				
Жилые здания и помещения	5,3	5,4	6,3	6,0
Здания (кроме жилых) и сооружения	48,0	42,9	42,2	41,4
Машины, оборудование, транспортные средства:	35,6	38,3	37,7	38,6
из них информационное, компьютерное и телекоммуникационное (ИКТ) оборудование				
Объекты интеллектуальной собственности	3,7	4,4	4,8	5,8
Прочие	7,3	9,0	9,0	8,2

Источник: Росстат.

Динамика ввода жилой площади по видам строительства в федеральных округах в первом полугодии 2021 г., в % к соответствующему периоду предыдущего года

Источник: Росстат.

нии ставок по депозитам, усилении инфляционных ожиданий и повышенной волатильности курса рубля, а также заинтересованности банков в расширении портфеля кредитных продуктов. Увеличение вклада индивидуального строительства за счет собственных средств населения/застройщиков и привлечения кредитов компенсировало тенденцию к торможению ввода многоквартирного жилья, наблюдающуюся с 2015 г., когда здесь был достигнут исторический максимум. При неустойчивости макроэкономической ситуации 2015–2018 гг. изменение пропорций многоквартирного и индивидуального жилищного строительства оставалось в интервале средних значений за период. Существенное увеличение доли и динамики ввода домов индивидуального строительства (с учетом изменения методологии статистики) фиксируется с 2020 г., а в январе-июле 2021 г. эти показатели составили соответственно 55,4 и 139,5%.

Заметим, что в первой половине 2021 г. резко ускорились темпы ввода жилой площади многоквартирных домов, что связано с усилением спроса населения, с одной стороны, и с

адаптацией строительных компаний к новым условиям проектного финансирования и долевого строительства с использованием эскроу-счетов – с другой. (См. табл. 3.)

На динамику спроса на жилье существенное влияние в исследуемый период оказывал уровень доходов населения. Реальные располагаемые доходы населения в первом полугодии 2021 г. увеличились относительно того же периода предыдущего года на 1,7%, но остались на 1,2% ниже соответствующего периода 2019 г. Денежные доходы населения формировались на фоне тенденции к повышению коэффициента дифференциации доходов до 14,3 раза (+1 п.п. к первому полугодю 2020 г.) и концентрации (индекс Джини) – до 0,400 (+0,010 п.п.). Несмотря на рост заработной платы и пенсий, их вклад в структуру и динамику денежных доходов ослабевал и не компенсировался поступлением доходов по формальным источникам. Поддержку доходам населения оказывали восстановление деловой активности и сохранение мер государственной поддержки, что особенно актуально при повышении уровня инфляции и процентных ставок по кредитам.

Таблица 3
Объемы и динамика ввода в действие жилой площади по видам строительства в 2014–2021 гг.

Период	Ввод жилой площади, млн кв. м			Темпы ввода жилой площади, в % к предыдущему периоду		
	Всего	В том числе		Всего	В том числе	
		много- квартирные дома	индивидуальное строительство (ИЖС)		много- квартирные дома	индивидуальное строительство (ИЖС)
2014 г.	84,2	48,0	36,2	119,4	120,6	117,9
2015 г.	85,3	50,1	35,2	101,3	104,4	97,2
2016 г.	80,2	48,4	31,8	94,0	96,6	90,3
2017 г.	79,2	46,2	33,0	98,8	95,5	103,8
2018 г.	75,7	43,2	32,4	95,6	93,7	98,2
2019 г.	82,0	43,5	38,5	108,3	100,5	119,2
2020 г.	82,2	42,4	39,8	100,2	97,5	103,4
Январь-июль 2021 г.	43,9	19,7	24,3	130,9	121,6	139,5

Источник: Росстат.

Доступность приобретения жилья при повышении цен на недвижимость снизилась на фоне усиления их дифференциации по регионам, что определило динамику ввода жилой площади многоквартирных домов и индивидуального строительства, а также уровень участия в долевом строительстве. С изменением условий финансирования почти треть жилой недвижимости строится с использованием счетов эскроу и позитивно сказывается на уверенности участия населения в инвестиционных проектах. (См. табл. 4.)

Расходы населения на недвижимость в первой половине 2021 г. продолжали увеличиваться, и драйвером роста здесь оставалась ипотека с широким спектром программ кредитования, в том числе льготного. При этом следует учитывать, что опережающий рост цен на недвижимость относительно потребительских цен, увеличение сроков ипотеки и рост процентных ставок, с одной стороны, привели к усилению долговой нагрузки при реальном улучшении жилищных условий, а с другой — повысили инвестиционный спрос на жилье как средство сохранения сбережений, что в краткосрочной перспективе может спрово-

цировать дисбалансы на рынке недвижимости. Мотивация поведения населения имеет принципиальное значение в контексте решения проблем ускорения темпов жилищного строительства, повышения обеспеченности и улучшения жилищных условий населения, продекларированных в соответствующем национальном проекте.

Увеличение доступности жилья связано с реализацией программ льготной ипотеки, развития индивидуального строительства и комплексного развития территорий, внедрения новой программы расселения аварийного жилья и повышения благоустройства жилья и территорий в целом. Закон о комплексном развитии территорий предусматривает широкий спектр возможностей улучшения комфортности среды жизнедеятельности, в том числе с участием и поддержкой государства¹. Принятые правительством распоряжения по решению этих проблем предусматривают увеличение объемов финансирования из резервного фонда ускоренного расселения граждан из аварийных домов с использованием механизмов федеральной поддержки и субсидирования региональных программ². ■

Таблица 4
Характеристики спроса на ипотечные кредиты в 2017–2021 гг.

Период	Ипотечные кредиты		Удельный вес ипотечных кредитов, в %		Сбережения населения, в % ВВП	Средняя ставка по ипотечным кредитам, в % годовых	Средний срок кредита, лет	Справочно: индекс цен, в % к декабрю предыдущего года
	Число, тыс.	Объем, млрд руб.	в ВВП	в денежных доходах населения				
2017 г.	1087	2021,4	2,21	3,60	28,3	10,90	15,6	101,0
2018 г.	1472	3012,7	2,88	5,15	27,4	9,56	16,3	106,3
2019 г.	1269	2847,5	2,59	4,59	28,0	9,87	17,9	108,0
2020 г.	1780	4443,6	4,15	7,14	30,8	7,68	18,4	112,0
1-е полугодие 2021 г.	937	2694	4,68	8,72	н/д	7,29	18,7	118,3

Источник: Росстат.

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 494-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях обеспечения комплексного развития территорий».

² Перечень поручений по итогам второго этапа XX съезда Всероссийской политической партии «Единая Россия». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/66667>; распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 августа 2021 г. № 2301-р; Постановление Правительства Российской Федерации от 4 мая 2021 г. № 691.

Recovery of Economic Dynamics in H1 2021: Production, Investment in Fixed Assets, Housing Construction

Olga I. Izryadnova – Head of Structural Policy Department of the Gaidar Institute for Economic Policy; Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: izryad@iep.ru

Marina A. Kovaleva – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: KovalevaM@ranepa.ru

The recovery of growth of GDP in H1 2021 was supported by the outpacing growth of investments in fixed assets, the dynamics of the construction complex and manufacturing industries with an increase in the contribution of net exports. The growth of income and savings has determined the possibility of expanding the resource base of investment and construction activities amidst adaptation of spatial-territorial, sectoral and specific dynamics to the growing domestic and external demand.

The acceleration of the housing construction increase was supported by an increased demand for housing under the effect of preferential mortgage programs and the motivation of the population to practical solutions to problems of improving the quality of life.

Key words: GDP, economic income, manufacturing industries, investment-construction complex, housing construction.

JEL-codes: F21, E21, E22, E60, H54.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ В ЯНВАРЕ-ИЮЛЕ 2021 г.: РОСТ НЕЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЭКСПОРТА

А. Ю. КНОБЕЛЬ
А. С. ФИРАНЧУК

В первые семь месяцев 2021 г. российский внешнеторговый оборот значительно превысил доковидный уровень, увеличившись относительно января-июля 2019 г. на 12,2%. Экспорт энергетических и сырьевых товаров в стоимостном выражении не вернулся к докризисному уровню (снижение на 9,8% к январю-июлю 2019 г.), тогда как несырьевой неэнергетический экспорт (ННЭ) в январе-июле 2021 г. существенно вырос относительно докризисного уровня (на 40,8%). В июле ННЭ достиг рекордного месячного показателя в 26,2 млрд долл. за счет наращивания вывоза металлов в последний месяц перед введением экспортной пошлины. Импорт товаров также преодолел тренд к снижению, вызванный пандемией, и показал значительный рост (на 20,6%) относительно уровня 2019 г.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

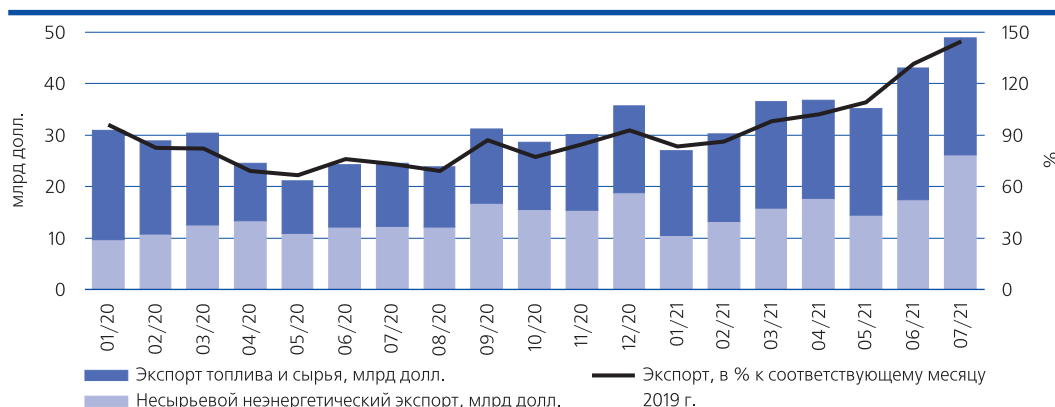
Ключевые слова: внешняя торговля, экспорт, импорт, несырьевой неэнергетический экспорт, пандемия.
JEL: F10, F14.

Динамика товарооборота

Внешнеторговый товарооборот России в январе-июле 2021 г. составил 419,8 млрд долл., на 12,2% превысив доковидный уровень (января-июля 2019 г.). Сравнения динамики торговли с прошлым годом мы не приводим: эффект низкой базы, вызванный многочисленными ограничениями, вводившимися весной-летом 2020 г., искажает статистиче-

скую картину. Рост товарооборота в текущем году был связан и с увеличением импорта товаров (на 20,6% к уровню января-июля 2019 г.), и с положительной динамикой вывоза несырьевых неэнергетических товаров (рост на 40,8%) при неполном восстановлении стоимостных объемов экспорта топлива и сырьевых товаров до уровня 2019 г. (снижение на 9,8%).

Рис. 1. Динамика экспорта товаров России в 2020–2021 гг.

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

Кнобель Александр Юрьевич, заведующий лабораторией международной торговли Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; директор Центра исследований международной торговли РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; директор Института международной экономики и финансов ВАВТ Минэкономразвития России, канд. экон. наук (Москва), e-mail: knobel@ier.ru; Фиранчук Александр Сергеевич, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: firanchuk@ranepa.ru

Пандемия вызвала остановку части производств в мире, что отразилось в продолжительном падении мировых цен на энергоресурсы и в значительном увеличении стоимости части промежуточных товаров, в том числе металлов и продовольствия. Повышение мировых цен на металлы и зерно способствовало устойчивому росту ННЭ: в июле 2021 г. несырьевой неэнергетический экспорт достиг рекордных 26,2 млрд долл., что в два раза (+105%) превысило уровень ННЭ июля 2019 г. Подобная динамика была обусловлена увеличением вывоза металлов в преддверии введения экспортной пошлины на них. Следовательно, в последующие месяцы текущего года следует ожидать возвращения объемов этого вида экспорта к докризисному уровню с поправкой на динамику мировых цен на основные несырьевые неэнергетические товары.

Стоимостные объемы экспорта топлива и сырьевых товаров превысили докризисный уровень (соответствующего месяца 2019 г.) только в июне, что также способствовало увеличению экспорта летом 2021 г. Совокупный экспорт всех товаров за первые семь месяцев текущего года составил 257,8 млрд долл. (на 7,6% выше уровня 2019 г.), 45% из которых

(115,4 млрд долл.) пришлось на несырьевые неэнергетические товары. (См. рис. 1.)

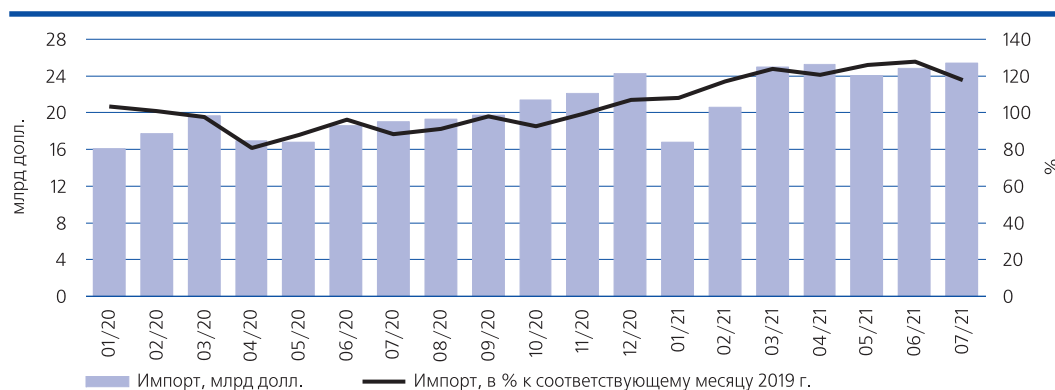
Импорт в 2021 г. стабильно превышал докризисные объемы ввоза товаров, достигая от 108 до 128% от уровня соответствующих месяцев 2019 г. (См. рис. 2.) Основной причиной положительной динамики импорта стало увеличение ввоза машин и оборудования из стран дальнего зарубежья на 31% (к уровню января-июля 2019 г.) после его незначительного снижения (на 7%) в первые семь месяцев 2020 г.

Цены экспорта

Стоимостной объем экспорта **топливно-энергетических товаров** в первые семь месяцев 2021 г. сократился относительно докризисного уровня (января-июля 2019 г.)¹ на 12,3% из-за снижения средней экспортной цены на нефть (-5%), нефтепродукты (-8%), трубный природный газ (-6%) и каменный уголь (-17%). Объем поставок нефти уменьшился до 130 млн т (-15%), а нефтепродуктов – увеличился до 85,3 млн т (+5%). Поставки природного газа по трубопроводам сохранились на докризисном уровне в 123,8 млрд м³ (+2,5%).

Экспорт **продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья** вырос на 38%

Рис. 2. Динамика импорта товаров России в 2020–2021 гг.

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

¹ В качестве базового периода для расчета изменения цен и объемов вывоза отдельных товаров мы также берем январь-июль 2019 г., т.е. до начала коронакризиса и спада мировой торговли.

относительно уровня 2019 г. Экспортные квоты, введенные в начале года, и механизм демпинга, действующий с июня 2021 г., привели к умеренным показателям вывоза зерна, несмотря на значительный рост мировых цен на него и рекордный урожай 2020 г. Вывоз основного вида зерна — пшеницы и меслина — остался практически на том же уровне (+3%) при возросшей средней экспортной цене (на 19% относительно января-июля 2019 г.).

Существенное увеличение экспорта **химической продукции** (+24% к январю-июлю 2019 г.) было связано в первую очередь с ростом цен на азотные (+18%) и смешанные (+16%) удобрения, метанол (+17%) и аммиак (+8%), а снижение цен на калийные удобрения (-20%) сопровождалось наращиванием физических объемов их вывоза (+49%).

Экспорт **древесины и изделий из нее** также значительно превысил докризисный уровень (+22%), что объясняется положительной динамикой экспортных цен на обработанные лесоматериалы (+41%), фанеру (+24%), целлюлозу (+9%) при не столь значительных изменениях объемов вывоза этих товаров. Несмотря на общий рост мировых цен на древесину и изделия из нее, цены и объемы вывоза газетной бумаги остались ниже докризисного уровня (-20 и -26% соответственно).

Стоимостные объемы экспорта **металлов и изделий из них** показали весьма заметный рост — они на 60% превысили докризисный уровень. Основным фактором подобного изменения стала взрывная динамика мировых цен, отразившаяся в росте средних экспортных цен на черные металлы (+33%), медь (+38%), никель (+38%) и алюминий (+30%). Объемы вывоза для указанных металлов также увеличились, кроме никеля (-58%): на черные металлы — на 12%, медь — на 3%, а тоннаж вывезенного алюминия вырос в 2,67 раза относительно уровня первых семи месяцев 2019 г.

В 2,6 раза относительно уровня января-июля 2019 г. увеличился вывоз **драгоценных камней и металлов**.

Несырьевой неэнергетический экспорт

Рост экспорта несырьевых неэнергетических товаров в январе-июле 2021 г. по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. на 40,8% связан с положительной динамикой цен (+20%) и физических объемов вывоза (+17%) данной продукции. Рост цен и физических объемов экспорта наблюдался у всех крупных товарных отраслей (более 3 млрд долл.), кроме цен на машины и оборудование (-2%). (См. табл. 1.)

Основным источником роста экспортных операций этого типа стали драгоценные металлы и камни, экспорт которых в январе-июле достиг 14,5 млрд долл., или 13% ННЭ (+7,1 п.п. к январю-июлю 2019 г.), что практически соответствует объемам вывоза сельскохозяйственного сырья и продовольственных товаров (17,5 млрд долл.). Отметим, что рост физических объемов вывоза драгметаллов во многом связан с решением ЦБ РФ прекратить скупку золота для пополнения резервов с апреля 2020 г. Вторым важнейшим фактором укрепления позиций ННЭ стали также недрагоценные металлы, вывоз которых увеличился до 35 млрд долл., составив 30% от всего объема ННЭ в январе-июле 2021 г. (+3,8 п.п. к докризисному уровню). Сильнее же всего сократилась доля экспорта самой высокотехнологичной отрасли — машин и оборудования — до 11% от совокупного объема ННЭ (-3,5 п.п.), что объясняется умеренным ростом (+7%) стоимостных объемов их вывоза на фоне значительного увеличения экспорта других крупных товарных отраслей. Доля химической продукции в ННЭ уменьшилась до 16% (-2,2 п.п.). Кроме того, практически полностью прекратился вывоз несырьевых неэнергетических товаров (цемента) из товарной отрасли «Минеральные продукты» (-3,0 п.п.).

Таким образом, уверенный рост ННЭ был обеспечен товарами низкой и средней степени переработки при умеренных показателях динамики экспорта высокотехнологичных от-

раслей, что во многом продолжает наметившуюся в прошлом году тенденцию².

Географическая структура товарооборота

Доля ЕС³ — основного торгового партнера России — оставалась вблизи минимальных значений последнего десятилетия, составив 35,8%, что связано с низкими ценами на энергоресурсы в январе-июле 2021 г. (См. табл. 2.) Великобритания, вышедшая из состава ЕС, наоборот, нарастила свою долю относительно докризисного уровня (+1,2 п.п.), что обусловлено поставками российского золота. Доля стран АТЭС увеличилась относительно докри-

зисного уровня (+2,4 п.п.), в том числе за счет наращивания присутствия Китая (+1,5 п.п.) и США (+0,6 п.п.) в российском товарообороте, компенсировав сокращение доли Японии (-0,4 п.п.). Отметим, что доля Китая в кризисный 2020 г. была еще выше (+2,2 п.п.) из-за более быстрого восстановления производства и спроса в этой стране в период пандемии по сравнению с другими крупнейшими экономиками.

Доля стран СНГ вернулась к докризисному уровню в 12% (-0,2 п.п.), так как более высокие показатели кризисного 2020 г. были обеспечены большей устойчивостью российской торговли со странами СНГ. Доля Украины в

Таблица 1
Динамика несырьевого неэнергетического экспорта в январе-июле 2019 и 2021 гг. по товарным отраслям

Наименование товарной отрасли	Объем поставок, млрд долл.		Изменение в январе-июле 2021 г. относительно января-июля 2019 г., в %		
	Январь-июль 2019 г.	Январь-июль 2021 г.	стоимостных объемов	индекса цен*	индекса физических объемов*
Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	12,7	17,5	38	22	13
Минеральные продукты**	2,5	0,1	-96	-14	-96
Продукция химической промышленности, каучук	15,3	19,0	25	4	19
Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,1	0,1	-1	-16	18
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	6,8	8,5	24	18	6
Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,7	0,9	28	-3	32
Драгоценные камни, драгоценные металлы и изделия из них***	4,5	14,5	В 3,2 раза	64	В 2,0 раза
Металлы и изделия из них	21,7	35,0	61	28	26
Машины, оборудование и транспортные средства (без учета секретных групп)	11,8	12,6	7	-2	9
Другие товары	1,5	1,9	25	3	21
Секретные товарные группы	4,3	5,2	23	-	-
Всего	82,0	115,4	40,8	20	17

* – Расчет индекса производился по цене за единицу продукции по 10-значным позициям входящих в данную группу товаров с применением стандартных фильтров.

** – ННЭ из отрасли «Минеральные продукты» включает соль, известь, цемент.

*** – Без учета алмазов и других секретных товарных позиций.

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

² Подробнее о структуре ННЭ в 2020 г. см.: Кнобель А.Ю., Фиранчук А.С. Внешняя торговля в 2020 г.: преодоление падения // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 3. С. 12–17. / Knobel A.Yu., Firanchuk A.S. Foreign Trade in 2020: Overcoming the Downturn // Russian Economic Development. 2021. Vol. 28. No. 3. Pp. 12–17.

³ 27 стран ЕС уже без учета Великобритании.

российском товарообороте продолжала снижаться — до 1,5%. Динамика торговли с ЕАЭС по сравнению с торговлей с другими странами оказалась несколько лучше, что позволило превзойти ее докризисный уровень на 0,3 п.п.

(до 8,8%). Однако при этом наблюдалось уменьшение в российском внешнеторговом обороте доли Белоруссии (-0,2 п.п.), которое компенсировалось расширением доли Казахстана (+0,4 п.п.).

Таблица 2
Географическая структура товарооборота России в январе-июле 2019–2021 гг. по основным странам – торговым партнерам

Регион/страна	Доля в товарообороте России, в %			Изменение в январе-июле 2021 г. к январю-июлю 2019 г., п.п.
	Январь-июль 2019 г.	Январь-июль 2020 г.	Январь-июль 2021 г.	
ЕС-27	40,0	34,8	35,8	-4,26
Великобритания	2,0	3,9	3,3	1,24
Турция	3,8	3,7	4,3	0,44
АТЭС	31,8	34,5	34,2	2,44
в том числе:				
Китай	16,2	18,4	17,7	1,46
США	4,1	4,5	4,7	0,63
Япония	3,0	3,1	2,7	-0,38
СНГ	12,2	12,9	12,0	-0,16
из него ЕАЭС	8,6	8,9	8,8	0,27
в том числе:				
Армения	0,3	0,4	0,3	0,02
Белоруссия	5,1	4,9	4,9	-0,18
Казахстан	2,9	3,3	3,3	0,41
Киргизия	0,3	0,3	0,3	0,02
Украина	2,0	1,8	1,5	-0,53

Источник: расчеты авторов на основе данных ФТС.

Таблица 3
Динамика экспорта и импорта услуг в январе-июле 2019–2021 гг. по секторам

Сектор услуг	Экспорт				Импорт			
	2019 г., млрд долл.	2020 г., млрд долл.	2021 г., млрд долл.	Изменение в 2021 г. к 2019 г., в %	2019 г., млрд долл.	2020 г., млрд долл.	2021 г., млрд долл.	Изменение в 2021 г. к 2019 г., в %
Транспортные услуги	11,9	9,7	9,5	-20	8,5	6,6	6,0	-29
Поездки	6,4	2,1	1,3	-80	20,3	7,0	3,6	-82
Строительство	2,6	2,4	2,7	7	2,7	3,7	3,4	25
Телекоммуникационные, компьютерные и информационные услуги	3,1	3,4	3,9	26	2,6	3,0	3,6	36
Прочие деловые услуги	7,4	6,6	7,5	1	11,5	8,2	10,3	-10
Услуги частным лицам и услуги в сфере культуры и отдыха	0,3	0,2	0,2	-8	0,8	0,6	0,6	-24
Другие услуги	4,0	3,0	3,5	-13	7,4	7,4	7,7	4
Всего	35,6	27,5	28,6	-19,7	53,9	36,6	35,3	-34,5

Источник: расчеты авторов на основе данных Банка России.

Оборот услуг

Пандемия и антиковидные ограничения оказали более сильное и продолжительное влияние на внешнеторговый оборот услуг, который остался значительно ниже докризисного уровня (-28,9%): 63,9 млрд долл. в январе-июле 2021 г. против 64,1 и 89,5 млрд долл. в аналогичные периоды 2020 и 2019 гг. соответственно. Сокращение Россией импорта услуг относительно докризисного 2019 г. (-34,5%) оказалось в два раза больше снижения экспорта услуг (-19,7%). (См. табл. 3.) Такое различие в динамике связа-

но с преобладанием в структуре импорта поездок — наиболее пострадавшей сферы услуг, сократившейся из-за пандемии примерно в пять раз. Значительное уменьшение объемов произошло также в импорте и экспорте транспортных услуг — на 29 и 20% соответственно. Существенный рост продемонстрировала сфера телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг, которая стала второй по объему в экспорте услуг (+26%) и третьей в импорте (+36%), практически догнав по объемам импорта сферу поездок. ■

Foreign Trade in January-July 2021: Growth of Non-Energy Exports

Alexander Yu. Knobel — Head of Foreign Trade Department of the Gaidar Institute for Economic Policy; Director of Center for Foreign Trade Department of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Director of the Institute for International Economics and Finance, Russian Foreign Trade Academy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: knobel@iep.ru

Alexander S. Firanchuk — Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: firanchuk@ranepa.ru

In the first seven months of 2021, the Russian foreign trade turnover significantly exceeded the pre-covid level, increasing by 12.2% compared to January-July 2019. Exports of energy and raw materials in value terms did not return to the pre-crisis level (a decrease of 9.8% compared to January-July 2019), while non-primary non-energy exports (NEE) in January-July 2021 increased significantly relative to the pre-crisis level (by 40.8%). In July, the NEE hit a record monthly figure of \$26.2 billion due to an increase in the export of metals in the last month before the introduction of export duties. Imports of goods also overcame the downward trend caused by the pandemic and demonstrated a significant increase (by 20.6%) relative to the 2019 level.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Key words: foreign trade, export, import, non-primary non-fuel exports, pandemic.

JEL-codes: F10, F14.

Промышленность

ДИНАМИКА ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В МАЕ-ИЮЛЕ 2021 г.: ФАКТОРЫ РОСТА¹

А. С. КАУКИН
Е. М. МИЛЛЕР

Проведенный анализ трендовых составляющих индексов промышленного производства в мае-июле 2021 г. позволяет говорить о том, что факторы роста в добывающем секторе, сохраняющиеся с начала 2021 г., продолжают действовать: увеличение спроса на энергетический уголь и природный газ со стороны европейских и азиатских стран; ослабление влияния ограничений, связанных с соглашением ОПЕК+ из-за повышения квот на суточные объемы добычи нефти в странах-участницах. Трендовая составляющая обрабатывающего сектора также продолжает расти за счет высоких цен и активного внешнего спроса на продукцию отраслей, занимающих существенную долю в структуре производства (металлургическая, химическая, нефтеперерабатывающая промышленность).

Работа выполнена в рамках государственного задания РАНХиГС (тема «Моделирование и прогнозирование показателей оптового рынка электроэнергии России с использованием методов совмещения данных разной частотности»).

Ключевые слова: промышленность, сектора экономики, добывающая промышленность, обрабатывающие производства, Росстат, соглашение ОПЕК+.

JEL: L16, L6, L7, L8, L9.

Для корректной интерпретации имеющихся тенденций в отдельных отраслях российской экономики необходимо проводить декомпозицию их выпуска на составляющие: календарную, сезонную, нерегулярную и трендовую²; содержательный интерес представляет интерпретация последней³. Экспертами Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара и РАНХиГС была осуществлена очистка рядов индексов всех отраслей промышленного производства за 2003–2021 гг. от сезонной и календарной компонент и выделена

трендовая составляющая⁴ на основе актуальной статистики, публикуемой Росстатом по индексам производства в промышленных секторах экономики.

Результаты обработки ряда для индекса промышленного производства с 2014 г. по настоящее время представлены на рис. 1. На рис. 2 показан результат для агрегированных индексов добывающего и обрабатывающего секторов, производства и распределения электроэнергии, газа и воды. Для остальных рядов результаты декомпозиции представлены в таблице.

Каукин Андрей Сергеевич, заведующий лабораторией системного анализа отраслевых рынков РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; и.о. руководителя Научного направления «Реальный сектор», заведующий лабораторией отраслевых рынков и инфраструктуры Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: kaukin@ranepa.ru; Миллер Евгения Михайловна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: miller-em@ranepa.ru

¹ Авторы выражают признательность М. Турунцевой и Т. Горшковой за помощь в проведении статистического анализа.

² «Трендовая составляющая» — используемый в литературе устоявшийся термин, однако следует отметить, что данная компонента не является «трендом» в строгом смысле, используемом в эконометрике при анализе временных рядов: в данном случае это именно остаток от выделения из ряда календарной, сезонной и нерегулярной составляющих. «Трендовую составляющую» некорректно использовать для прогнозирования временных рядов: для большинства индексов промпроизводства она нестационарна в уровнях (и стационарна в разностях), однако может быть использована для интерпретации краткосрочной динамики и ее сопоставления с имевшими место событиями.

³ Влияние мер, ограничивающих распространение коронавирусной инфекции, в частности введение режима нерабочих дней в конце апреля 2020 г., заключено в нерегулярной составляющей.

⁴ Выделение трендовой составляющей было осуществлено при помощи пакета Demetra с использованием процедуры X12-ARIMA.

Ранее [1] нами было отмечено, что в январе-апреле 2021 г. соглашение ОПЕК+ сдерживало рост в добывающем секторе, трендовая составляющая индекса добычи полезных ископаемых показывала положительную динамику за счет возросшего спроса на уголь и газ на европейских и азиатских рынках. Трендовая составляющая обрабатывающего сектора также демонстрировала рост — в основном за счет повышения мировых цен на продукцию отраслей, занимающих существенную долю в структуре российского промышленного производства (металлургия, химическое производство, деревообработка).

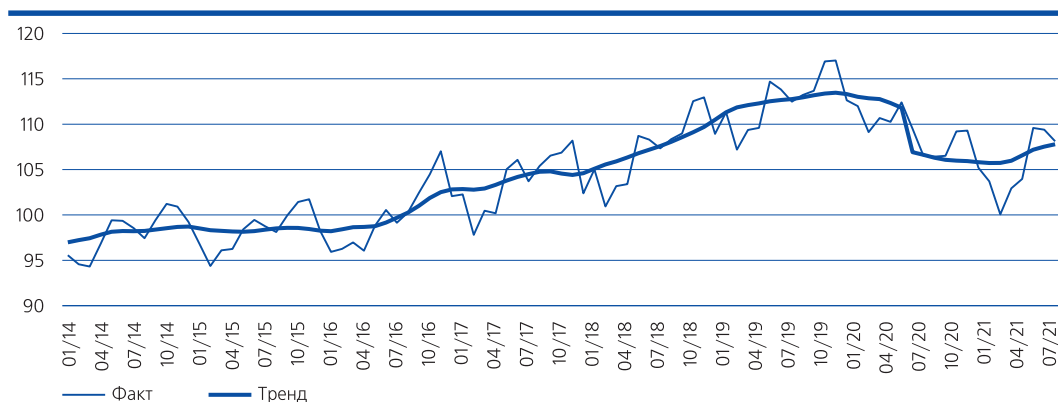
В мае-июле текущего года трендовая составляющая добывающего сектора продолжила медленный рост. Основные факторы роста со стороны угольной и газовой промышленности остались прежними: увеличение экспортных поставок природного газа в европейские страны из-за низкого уровня заполняемости местных подземных хранилищ газа (ПХГ)⁵; рост экспортных поставок энергетического угля в страны Азии (из-за отказа Китая от импорта угля из Австралии) и в страны Европы (вследствие снижения ценовой доступности природного газа

как результата расширения спроса на электроэнергию и сокращения поставок газа из Колумбии). Помимо этого выросла добыча нефти за счет смягчения уровня ограничений в рамках сделки ОПЕК+ [2].

Трендовая составляющая обрабатывающего сектора по итогам мая-июля 2021 г. показала медленный рост; основной положительный вклад в данную динамику продолжали вносить:

- химическая промышленность — в основном за счет увеличения внешнего спроса. Рост экспорта является следствием восстановления мировой экономики, в частности Китая (экспорт хлоридов, фторидов, инсектицидов, гербицидов, аминосоединений и т.п.), и благоприятной ценовой конъюнктуры на мировом рынке. На внутреннем рынке наблюдается отрицательная динамика в данной отрасли из-за опережающих закупок сырья в конце 2020 — начале 2021 гг., в результате чего были сформированы большие запасы удобрений и первичных полимеров, которые перешли на будущие периоды. Ожидается, что во второй половине 2021 г. внутренний спрос восстановится;

Рис. 1. Динамика индекса промышленного производства в 2014 – июле 2021 гг. (фактические данные и трендовая составляющая, на начало месяца), в % к среднегодовому значению 2016 г.

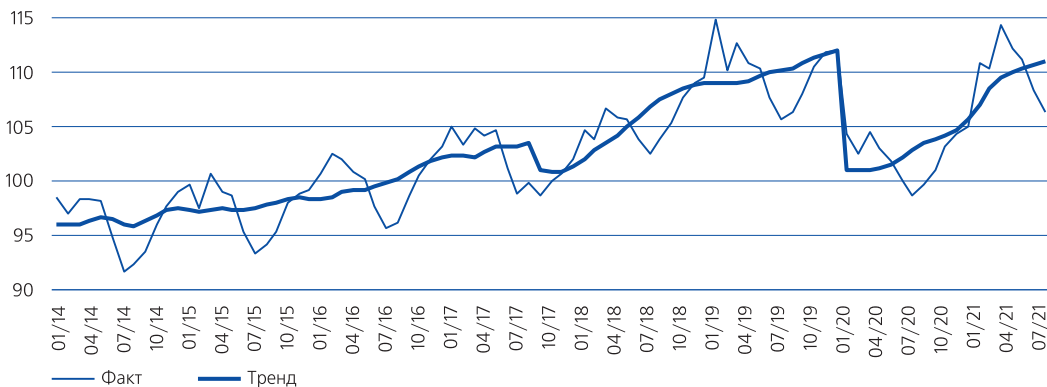

Источник: Росстат, расчеты авторов.

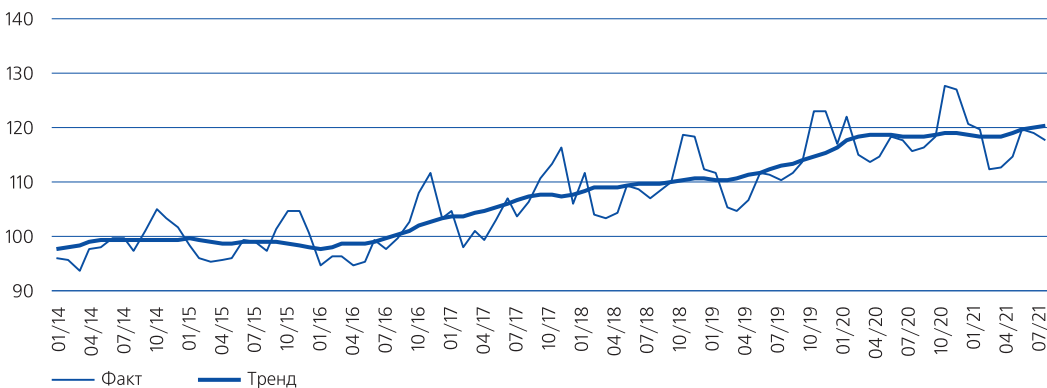
⁵ Рост спроса на российский газ со стороны европейских стран, в частности Германии, Италии, Турции, Франции, Нидерландов и Польши, в первом квартале 2021 г. из-за сильных снегопадов и холодной погоды сказался на низкой заполняемости местных ПХГ во втором квартале 2021 г.

Рис. 2. Динамика индексов производства по отраслям в 2014 – июле 2021 гг. (фактические данные и трендовая составляющая, на начало месяца), в % к среднегодовому значению 2016 г.

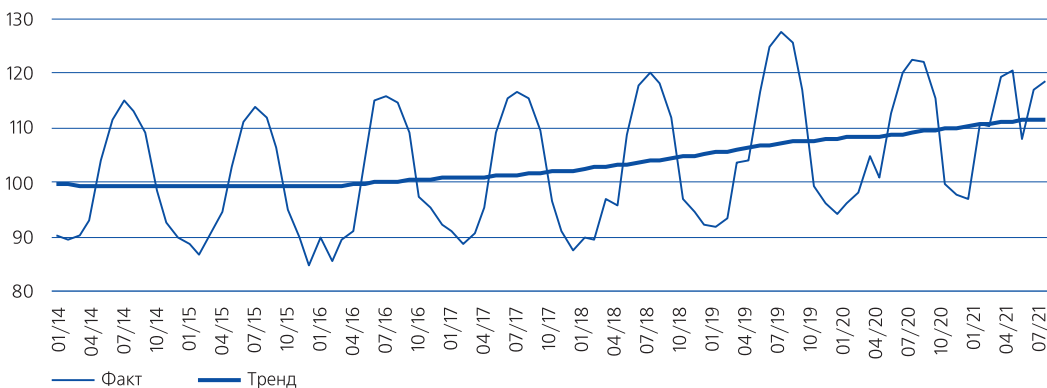
Добыча полезных ископаемых

Обрабатывающая промышленность

Производство и распределение электроэнергии, газа и воды

Источник: Росстат, расчеты авторов.

- металлургическая промышленность – за счет роста экспортных и внутренних поставок (в результате увеличения мировых цен на металлургическую продукцию), а также ожиданий ввода с конца июля новых повышенных таможенных пошлин на широкий перечень товаров, выпускаемых отраслью. Дальнейшая динамика выпуска будет зависеть от стабильности принятых параметров в таможенном законодательстве (формул расчетов и значений ставок экспортных пошлин, поскольку это является одним из значимых факторов при формировании ожиданий производителей), а также от возможности осуществлять экспорт беспошлинно через страны ЕАЭС;
- машиностроение – в основном за счет роста производства легковых автомобилей (здесь сохранялся дефицит предложения

Изменение индекса выпуска по отраслям экономики в 2021 г., в %

Отрасли	Доля в индексе промышленного производства	Июль 2021 г. к декабрю 2020 г.	Июль 2021 г. к июлю 2020 г.	Изменения последних месяцев
Индекс промышленного производства		101,86	101,09	Медленный рост
<i>Добыча полезных ископаемых</i>	34,54	105,09	107,90	Медленный рост
<i>Обрабатывающие производства</i>	54,91	101,32	101,71	Медленный рост
в том числе:				
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	16,34	108,08	114,22	Рост
Текстильное и швейное производство	1,14	110,22	116,51	Рост
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,27	106,85	111,00	Рост
Обработка древесины и производство изделий из дерева	2,02	105,94	109,23	Рост
Целлюлозно-бумажное производство	3,35	89,36	80,36	Спад
Производство кокса, нефтепродуктов	17,25	103,77	106,84	Медленный рост
Химическое производство	7,56	113,77	122,72	Рост
Производство резиновых и пластмассовых изделий	2,14	104,60	106,62	Рост
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	4,02	97,75	100,38	Медленный рост
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	17,42	118,40	129,60	Рост
Производство машин и оборудования	6,97	118,70	136,18	Рост
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	6,27	103,76	105,07	Медленный рост
Производство транспортных средств и оборудования	6,75	125,69	147,04	Рост
Прочие производства	2,42	104,01	107,99	Стагнация
<i>Производство и распределение электроэнергии, газа и воды</i>	13,51	101,03	102,15	Стагнация
<i>Оптовая торговля</i>		101,86	103,33	Медленный рост
<i>Розничная торговля</i>		98,93	95,33	Стагнация
<i>Грузооборот</i>		106,71	111,52	Рост
<i>Строительство</i>		104,94	107,49	Рост
<i>Объемы платных услуг населению</i>		102,62	104,38	Медленный спад

Источник: Росстат, расчеты авторов.

с конца 2020 г., связанный с остановкой многих предприятий в период карантина), а в начале 2021 г. — из-за нехватки импортных комплектующих: электроники, преимущественно микросхем, выпуск которых был сокращен из-за пандемии. Рост спроса на легковые автомобили в конце первого полугодия 2021 г. связан с ожиданием увеличения цен на выпускаемую продукцию, так как у производителей выросли издержки вследствие повышения мировых цен на сталь (доля металла в себестоимости автомобиля доходит до 40%);

- нефтеперерабатывающая отрасль — за счет продолжающегося восстановления экономической активности в России.

Отрицательную динамику сохранила трендовая составляющая платных услуг населению, возможной причиной которой являются ограничения, связанные с пандемией, действующие в различных регионах России. Динамика трендовой составляющей грузооборота показала рост за счет экспортных поставок топливно-энергетических полезных ископаемых,

удобрений и металлургической продукции. Оптовая и розничная торговля по итогам мая-июля 2021 г. медленно росли: оптовая торговля — в основном за счет роста продаж химических удобрений, продуктов деревообработки и автотранспорта; розничная — за счет роста продаж продукции пищевой и текстильной промышленности.

Таким образом, по итогам первого полугодия 2021 г. выпуск и добывающей, и обрабатывающей промышленности увеличился. Дальнейший их рост будет зависеть от эпидемиологической ситуации как в России, так и в странах, с которыми Россию связывают крупные торговые потоки (например, экспорт продукции металлургической и химической промышленности в Китай); стабильности принятых параметров в таможенном законодательстве (формул расчетов и значений ставок экспортных пошлин на ряд категорий выпускаемой продукции металлургической отрасли); скорости восстановления внутреннего спроса на химическую продукцию в результате сокращения созданных запасов в начале 2021 г. ■

Литература

1. Каукин А.С., Миллер Е.М. Динамика промышленного производства в марте-апреле 2021 г. // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 6. С. 18–22.
2. Каукин А.С., Миллер Е.М. Ситуация на мировом рынке нефти во втором квартале 2021 г. // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 8. С. 17–22.

References

1. Kaukin A.S., Miller E.M. Industrial Production Dynamics in March-April 2021 // Russian Economic Development. 2021. Vol. 28. No. 6. Pp. 18–22.
2. Kaukin A.S., Miller E.M. World's Oil Market in Q2 2021 // Russian Economic Development. 2021. Vol. 28. No. 8. Pp. 17–22.

Industrial Production Dynamics in May-July 2021: Growth Factors

Andrey S. Kaukin — Head of Department for System Analysis of Sectoral Markets of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Acting Head of Center for Real Sector, Head of Department of Sectoral Markets and Infrastructure of the Gaidar Institute for Economic Policy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: kaukin@ranepa.ru

Eugenia M. Miller — Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: miller-em@ranepa.ru

Analysis of trend components of production indices for May through July 2021 suggests that growth factors in trends for the extractive industries since the beginning of 2021 continue to have effect for two reasons: a pickup in demand for power-generating coal on the part of European and Asian countries and an ebbing

restrictions related to the OPEC+ agreement, owing to increased quotas on daily oil production volumes in member countries. The manufacturing sector's trend component keeps growing, too, on the back of high prices and active external demand for industry products, which account for a substantial share of production (metallurgy, oil refining and the chemical industry).

The article is prepared based on the results of the research work of the RANEPА state order for 2021 «Modeling and forecasting of indices of the Russian wholesale energy market using methods of combining data of different frequencies»).

Key words: industrial sector, sectors of economy, mining industry, manufacturing, Rosstat, OPEC+ deal.

JEL-codes: L16, L6, L7, L8, L9.

РОССИЙСКАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ В АВГУСТЕ 2021 г.: ДЕФИЦИТ РАБОТНИКОВ

С. В. ЦУХЛО

Возобновление роста спроса повысило показатель удовлетворенности его объемами до 78% опрашиваемых промышленных предприятий. Отставание динамики выпуска от растущего спроса и логичная в условиях продолжающейся борьбы с коронавирусом осторожность удерживают производителей от наполнения складов готовой продукции. В ситуации пандемического кризиса промышленность испытывает трудности с пополнением запасов сырья. Возникший в начале третьего квартала дефицит кадров вынудил предприятия в июле-августе 2021 г. предпринять меры для восстановления набора персонала. Июльское повышение ключевой ставки ЦБ РФ не сказалось на предлагаемой промышленности ставке по кредитам.

Ключевые слова: российская промышленность, спрос, запасы готовой продукции, запасы сырья и материалов, выпуск, цены, персонал.

JEL: L16, L60.

В августе 2021 г., по оценкам предприятий, рост спроса на промышленную продукцию восстановился: баланс фактических изменений продаж после относительно низких значений в марте-июле увеличился в августе сразу на 8 пунктов. В результате достигнутые к этому месяцу объемы продаж промышленной продукции оцениваются как нормальные 78% предприятий, доля неудовлетворительных оценок спроса («ниже нормы») опустилась до 17%. Столь же решительной положительной корректровке подверглись и прогнозы спроса предприятий: в августе 2021 г. баланс ожидаемых изменений продаж прибавил сразу 12 пунктов.

Рост спроса, за которым не поспевает выпуск, и логичная в условиях продолжающегося противоборства с вирусом осторожность удерживают производителей от активного пополнения своих складов готовой продукции. В августе текущего года недостаток этих запасов вновь вырос, а масштабы избыточности, наоборот, снизились до исторического минимума. Сегодня только 5% предприятий оценивают свои запасы готовой продукции как «выше нормы».

Дефицит сырья и материалов в 2021 г. испытывают 18% предприятий (10-летний максимум), а избыток этих запасов в текущем году

зарегистрирован только у 2% производителей (абсолютный минимум мониторинга этого показателя за 1993–2021 гг.). В результате традиционный баланс оценок обеспеченности российской промышленности запасами сырья и материалов по третьему кварталу текущего года опустился до -16 пунктов, что оказалось 12-летним минимумом.

В августе текущего года наблюдалось значительное торможение роста отпускных цен: за месяц баланс изменения (темпы прироста) цен снизился на 17 пунктов (за предыдущие 12 месяцев он вырос на 50 пунктов). Августовское торможение роста цен — не первая попытка предприятий остановить инфляционную волну, обусловленную локдауном и поддержкой властями пострадавших секторов экономики: впервые замедлять рост своих цен промышленность пыталась в четвертом квартале 2020 г., затем в феврале и июне 2021 г. Однако все предыдущие попытки были незначительны по величине и сразу сменялись более существенным ростом показателя.

Текущее снижение баланса фактического изменения цен имеет больше шансов на успех и продолжение, поскольку подкреплено торможением инфляционных ожиданий предприятий: данный показатель падает уже

Цухло Сергей Владимирович, заведующий лабораторией конъюнктурных опросов Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: tsukhlo@iep.ru

три месяца подряд — после достижения в мае 2021 г. рекордного для всех месяцев XXI века уровня.

Явные проблемы с набором персонала во втором квартале 2021 г. привели к формированию дефицита кадров в российской промышленности: в начале третьего квартала баланс оценок («более чем достаточно» минус «менее чем достаточно») рухнул здесь до -16 пунктов, что стало 13-летним минимумом показателя — такого значительного дефицита работников предприятия не испытывали с июля 2008 г.

Это вынудило российскую промышленность в июле-августе предпринять решительные меры для восстановления набора персонала: баланс фактических изменений численности работников вырос до +6 пунктов после 0 — +2 пунктов, зарегистрированных во втором квартале. Однако достигнутый результат сильно уступает планам найма (+10 — +13 пунктов), которые были у промышленности на эти месяцы. В сентябре-октябре предприятия планируют довести интенсивность набора кадров уже до +16 пунктов.

Результаты очередного (уже восьмого) опроса предприятий о причинах увольнений работников позволяют уточнить детали обострившихся кадровых проблем российской промышленности.

Самой массовой причиной увольнений в промышленности остается добровольный выход работников на пенсию — это касается примерно половины предприятий. Принуждение к увольнению работников пенсионных возрастов по инициативе администрации в 2021 г. сошло на нет, хотя в 2013 г. о такой практике сообщали 10% предприятий. Очевидно, что кадровые рабочие, обученные еще во времена СССР, становятся для российской промышленности все более ценным, но, увы, неминуемо утрачиваемым ресурсом.

Второе место в рейтинге причин увольнений (26%) заняла низкая зарплата. Однако сейчас, когда стало очевидным, что промышленность не так сильно, как предполагалось ранее, пострадала от коронакризиса, упоминание этого фактора находится на историческом минимуме, который впервые был зарегистрирован в 2017 г., когда промышленность вышла из стагнации 2012–2016 гг.

Уход работников из-за тяжелых условий труда в 2021 г. зарегистрирован на 21% предприятий, что стало историческим максимумом по результатам проведенных нами опросов. Здесь тоже, скорее всего, сказывается влияние коронакризиса с бурным развитием новых секторов (в первую очередь — в сфере услуг), которые и перетянули к себе часть работников с «тяжелых» производств. Обострившиеся кадровые проблемы и мобилизующее воздействие вирусного кризиса снизили до минимума желание администрации предприятий увольнять нарушителей дисциплины — увольнение лишних работников в 2021 г. практиковалось только 4% предприятий.

Условия кредитования промышленных предприятий пятый месяц подряд демонстрируют стабильность и хороший уровень доступности кредитов: с апреля текущего года сумма оценок «выше нормы» и «нормальный» пребывает в интервале 69–73%, что выше докризисного уровня этого показателя. Июльское повышение ключевой ставки не сказалось на предлагаемой российской промышленностью в августе ставке по кредитам. Как и месяцем ранее, банки готовы кредитовать предприятия в лучшем случае под 9,4% годовых в рублях. Видимо, все ожидания по поводу динамики ключевой ставки были реализованы еще в мае, когда банки увеличили этот показатель с апрельских 8,6 до 9,2% годовых (заметим, что показатель 8,6% годовых стал историческим минимумом). ■

Russian Industrial in August 2021: Shortage of Workers

Sergey V. Tsukhlo – Head of Business Surveys Department of the Gaidar Institute for Economic Policy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: tsukhlo@iep.ru

The recommencing growth in demand increased the level of satisfaction with its volumes to 78% of the surveyed industrial enterprises. The dynamics of output lagging behind the growing demand and the logical caution in the context of the ongoing fight against coronavirus, keep manufacturers from filling warehouses of finished products.

In the context of the pandemic crisis, the industry is experiencing challenges in replenishing stocks of raw materials. The shortage of personnel emerged early in Q 3, forced enterprises to take measures in July-August to restore the recruitment of workers. The increase in the key rate by the RF Central Bank in July did not affect the rate on loans offered to the industry.

Key words: Russian industry, demand, inventories of finished products, inventories of inputs, output, prices, personnel.

JEL-codes: L16, L60.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ (июнь-сентябрь 2021 г.)¹

С. П. АУКУЦИОНЕК
А. С. ЕГОРОВ
И. А. БАШИРОВА
С. В. БЕЛЯКОВ

В июне 2021 г. диффузный индекс ожидаемых изменений «входящих» цен достиг 97% — максимального значения с 2003 г. и типичного уровня для 1993–1995 гг. В остальном этот месяц можно назвать очень благоприятным, учитывая высокие значения уровня загрузки производственных мощностей и рабочей силы, большую долю финансово успешных предприятий, хорошие показатели по портфелю заказов, запасам, выпуску и т.д. Диффузный же индекс закупки оборудования вообще достиг максимального значения за все 30 лет наблюдений (47%).

Ключевые слова: Россия, промышленность, промышленные предприятия, уровень цен, заработная плата, занятость, производство, инвестиции, банковская задолженность, объем заказов, объем запасов готовой продукции, загрузка производственных мощностей, банкротство, экономическая политика, продолжительность кризиса.

JEL: D22, D24, G31, L23, P23.

ИЮНЬ 2021 г.

Цены

Падение цен на свою продукцию отметили 12% предприятий — участников опроса, о неизменности сообщили 53%, о повышении — 35%.

Цены на приобретаемую продукцию росли у 70%, не менялись — у 28% и у 2% — снижались.

Соотношение цен и издержек

Неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций отметили около 42% респондентов, благоприятный — 5%. По мнению остальных 53%, соотношение «своих» и «чужих» цен практически не изменилось.

Чаще всего на неблагоприятный сдвиг ценовых пропорций указывали на предприятиях химической (100%) и легкой (67%) промышленности и в металлургии (43%).

Заработная плата

О ее повышении сообщили 35% предприятий, о сохранении на прежнем уровне — около 63%, о снижении — 2%.

В среднем по всем предприятиям выборки заработная плата за месяц выросла на 1% (в предыдущем месяце также увеличилась на 1%). Для промышленных предприятий-респондентов ее средний уровень составил 42 000 руб., а для сельскохозяйственных — 28 000 руб.

Средние доходы высшего управленческого персонала предприятий составили в промышленности 76 000 руб., а в сельском хозяйстве — около 41 000 руб.

Занятость и производство

Около 62% респондентов сообщили о сохранении прежней занятости на своих предприятиях, 15% отметили ее сокращение и 23% — увеличение.

Аукуционек Сергей Павлович, руководитель Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: reb@imemo.ru; Егоров Андрей Станиславович, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: andrese@mail.ru; Баширова Инесса Анатольевна, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: bachirova@imemo.ru; Беляков Станислав Валерьевич, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва). E-mail: belyakov_St@mail.ru

¹ Материал подготовлен сотрудниками Центра по изучению переходной экономики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН специально для журнала «Экономическое развитие России» по результатам опроса 200 предприятий всех отраслей и регионов РФ.

Об увеличении объемов производства по сравнению с предыдущим месяцем сообщили 37% руководителей, 35% отметили сохранение прежних объемов выпуска и 28% — уменьшение.

Инвестиции

Около 19% респондентов отметили рост закупок оборудования, 60% указали на неизменность данного показателя и 5% — на его сокращение. Остальные — 16% предприятий — не закупили оборудование в течение двух и более месяцев подряд (в мае 2021 г. — 14%).

Задолженность банкам

Задолженность банкам (у имеющих ее предприятий) составила 62% от уровня, который респонденты считают нормальным для этого месяца (месяц назад — 84%).

Портфель заказов

Портфель заказов у 73% предприятий остался неизменным, у 20% пополнился и у 7% — похудел». Рост заказов отмечали в основном представители химической промышленности (67%) и машиностроения (25%).

В среднем по выборке объем заказов составил 90% от нормального месячного уровня (в мае — 88%). Самым высоким уровень заказов в июне 2021 г. оказался в машиностроении (92%) и в пищевой отрасли (91%), а самым низким — у представителей легкой промышленности (85%).

Запасы готовой продукции

Около 8% респондентов сообщили об увеличении таких запасов, 44% отметили их уменьшение и около 48% не заметили перемен.

В среднем по выборке запасы готовой продукции составили 83% от нормального для этого месяца уровня (месяц назад — 84%). Самыми большими (в относительном выражении) были запасы у металлургов (104%), в машиностроении и в легкой промышленности (по 93%), а самыми незначительными — в пищевой отрасли (56%), у представителей лесо-

промышленного комплекса (68%) и производителей строительных материалов (69%).

Загрузка производственных мощностей

В среднем она составила 86% от нормального уровня (в предыдущем опросе — 83%). Около 2% промышленных предприятий работали менее чем на 1/2 своей мощности, и 47% — более чем на 9/10.

Лидируют по загрузке мощностей предприятия легкой промышленности (100%), металлургии (93%) и химической промышленности (90%), а самой низкой она была в машиностроении (78%) и в лесопромышленном комплексе (79%).

Загрузка рабочей силы

Она составила 96% от нормального уровня (в предыдущем месяце — 91%). Ни на одном из предприятий выборки рабочая сила не была занята менее чем на 1/2, а у 90% участников опроса ее загрузка составила более 9/10.

Финансовое положение

Около 15% респондентов оценили финансовое положение своих предприятий как «хорошее», 73% посчитали его «нормальным» и 12% оценили его как «плохое». (См. табл. 1.)

ПРОГНОЗЫ НА СЕНТЯБРЬ 2021 г.

Цены

Подорожание своей продукции к сентябрю 2021 г. (по сравнению с июнем 2021 г.) предсказывают 58% респондентов, 35% не ждут изменений, а у 7% цены снизятся.

Соответствующие оценки для приобретаемых товаров: 93, 7 и 0%.

Средний по выборке ожидаемый к сентябрю 2021 г. прирост цен составит 5%, в том числе 2% для производимой и 8% для покупаемой продукции.

Больше всего неблагоприятных ценовых сдвигов опасаются представители химической промышленности: их оценки трехмесячного

роста «входящих» цен на 23 п.п. превышают оценки роста «выходящих» цен. Для остальных отраслей этот разрыв ожидается в промежуток от 3 до 8 пунктов.

Заработная плата

Ее повышения ожидают 31%, понижения – 5% и сохранения на прежнем уровне – около 64% предприятий, охваченных опросом.

Общий трехмесячный прогноз по выборке: заработная плата увеличится на 1%.

Занятость и производство

Сокращения занятости на своих предприятиях ожидают около 15% участников опроса, у 63% она не изменится, а у оставшихся 22% – возрастет.

Падение производства на своих предприятиях предполагают 35% респондентов, рост – тоже 35%, остальные 30% не предвидят особых изменений.

Портфель заказов

Ожидается, что он пополнится примерно у 24%, не изменится – у 71% и «похудеет» – у 5% предприятий. Чаще всего роста заказов ожи-

дали представители легкой промышленности (67%), машиностроения и химической промышленности (по 33%).

Инвестиции

По сообщению 18% респондентов, оборудование на их предприятиях не закупалось и в ближайшие три месяца закупаться не будет. По остальной части выборки закупки сократятся на 1%.

Задолженность банкам

Ожидается, что через три месяца задолженность возрастет у 8% предприятий выборки, не изменится – у 31% и у 14% – уменьшится. Остальные – 47% производителей – не пользуются банковским кредитом. Средняя ставка, по которой предвидится получение рублевых кредитов, – 7% годовых.

Финансовое положение

Через три месяца его улучшения ожидают 26% предприятий, 10% предполагают его ухудшение и примерно у 64% оно не изменится. (См. табл. 2.)

Таблица 1
Отраслевые показатели за июнь 2021 г., в % (нормальный месячный уровень=100%)

	Загрузка производственных мощностей	Загрузка рабочей силы	Запасы готовой продукции	Портфель заказов	Задолженность банкам	Финансовое положение*
Черная и цветная металлургия	93	96	104	89	37	100
Машиностроение и металлообработка	78	91	93	92	77	93
Химия и нефтехимия	90	100	78	88	15	67
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	79	103	68	89	48	75
Производство стройматериалов	88	95	69	88	20	100
Легкая промышленность	100	100	93	85	95	66
Пищевая промышленность	87	98	56	91	83	100
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	86	96	83	90	62	88
АГРОСЕКТОР	89	92	63	71	62	82

* – Доля предприятий с «хорошим» или «нормальным» финансовым положением, в %.

Источник: опросы РЭБ.

СЕКТОРА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Производство потребительских товаров – сектор 1, производство инвестиционных товаров – сектор 2)

Цены

В июне 2021 г. по сравнению с предыдущим месяцем ухудшение соотношения «своих» и «чужих» цен отметили 50% производителей потребительских товаров и 48% – инвестиционных. Ощутивших улучшение не оказалось ни в первом, ни во втором секторе.

Предполагается, что к сентябрю 2021 г. цены увеличатся на 2% в секторе потребительских товаров и на 1% – в секторе инвестиционных. Цены на покупаемую продукцию, по прогнозам руководителей предприятий, возрастут на 10% в первом и на 9% – во втором секторе.

Загрузка производственных мощностей

В июне 2021 г. она составила 87% в потребительском и 83% – в инвестиционном секторе.

Портфель заказов

Этот показатель составил 86% от нормального месячного уровня в первом и 90% – во втором секторе.

Роста заказов через три месяца ожидают 30% предприятий потребительского и 25% инвестиционного сектора, а уменьшения – 20% в первом секторе и никто не ожидает во втором.

Финансовое положение

Как «плохое» в июне 2021 г. его оценили 10% производителей потребительского и 10% инвестиционного сектора, как «нормальное» – 80% предприятий в первом секторе и 71% во втором. В потребительском секторе 10% руководителей оценили финансовое состояние своего предприятия как «хорошее»; в инвестиционном секторе таких предприятий оказалось 19%.

К сентябрю 2021 г. ожидают улучшения своего финансового состояния 20% производителей потребительского сектора и 19% предприятий инвестиционного. Опасаются ухудшения ситуации 30% в первом и 5% во втором секторе.

Таблица 2

Отраслевые прогнозы на сентябрь 2021 г., в % (июнь 2021 г.=100%)

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования	Банковский процент*	Финансовое положение**	Портфель заказов**
Черная и цветная металлургия	103	107	100	100	100	11	57	50
Машиностроение и металлообработка	101	106	102	101	100	6	57	67
Химия и нефтехимия	103	126	101	100	90	4	33	67
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	102	105	100	99	100	6	80	50
Производство стройматериалов	102	105	101	100	100	8	70	59
Легкая промышленность	103	111	101	102	100	7	49	84
Пищевая промышленность	103	108	100	100	100	8	50	50
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	102	108	101	100	99	7	58	60
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	108	9	55	73

* – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении.

** – Диффузный индекс: доля предприятий (в %), чей показатель к сентябрю 2021 г. улучшится (увеличится).

Источник: опросы РЭБ.

СРАВНЕНИЕ ИЮНЯ 2021 г. С ИЮНЕМ 2020 г.

Соотношение цен и издержек

Баланс оценок динамики «входящих» и «выходящих» цен ухудшился: неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций год назад отметили 31% респондентов, а благоприятный — 8%; в июне 2021 г. таковых было 42 и 5% соответственно.

Заработная плата

Год назад о ее повышении сообщали 21%, о снижении — тоже 21% предприятий; ныне — 35 и 2% соответственно.

Занятость и производство

Пропорция между предприятиями, где численность персонала сократилась и увеличилась, в июне 2020 г. составила 27:14, а в июне 2021 г. — 15:23.

Аналогичные соотношения по выпуску составили: в 2020 г. — 43:32, а в 2021 г. — 28:37.

Инвестиции

Почти в два раза уменьшилась доля предприятий, не покупающих оборудование в течение двух и более месяцев подряд: с 31% в июне 2020 г. до 16% ныне.

Кредит

Относительная задолженность банкам предприятий-должников за год сократилась на 33 п.п.: с 95% (от нормального месячного уровня) в июне 2020 г. до 62% в июне 2021 г. При этом доля предприятий, регулярно пользующихся банковским кредитом, за это время снизилась на 9 п.п.: с 62% в 2020 г. до 53% ныне.

Портфель заказов

В лучшую сторону изменился баланс предприятий по динамике портфеля заказов: год назад пропорция между числом предприятий с пополнившимся портфелем и «похудевшим» составляла 26:33, а ныне — 20:7. Его относи-

тельная наполненность за это время увеличилась на 10 п.п.: с 80% в 2020 г. до 90% в 2021 г. (считая от нормального месячного уровня, соответствующего 100%).

Запасы готовой продукции

В лучшую сторону изменилось соотношение числа предприятий, где происходило накопление и сокращение таких запасов: в июне 2020 г. оно равнялось 23:23, а в июне 2021 г. — 8:44. При этом относительный объем запасов за год уменьшился на 13 п.п.: с 96% в 2020 г. до 83% в 2021 г.

Загрузка производственных мощностей

По сравнению с прошлым годом она увеличилась: с 79% (относительно нормального месячного уровня) в июне 2020 г. до 86% в июне 2021 г. При этом число предприятий, работающих менее чем на 1/2 своей мощности, сократилось на 11 п.п.: с 13% в 2020 г. до 2% в 2021 г.; а доля предприятий, загруженных более чем на 9/10 своих мощностей, почти не изменилась: 48% в 2020 г. и 47% в 2021 г..

Загрузка рабочей силы

За год она увеличилась на 10 п.п.: с 86% (от нормального уровня) в июне 2020 г. до 96% в июне 2021 г. В 2020 г. на 10% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2; ныне таких предприятий не оказалось.

Финансовое положение

Заметно выросла доля финансово благополучных предприятий: с 62% в 2020 г. до 88% в 2021 г.

Трехмесячные прогнозы

Ожидаемый ежемесячный темп прироста цен значительно повысился: с +0,3% в июне 2020 г. до +1,7% в июне 2021 г.

Значительно улучшился прогноз по балансу портфеля заказов: год назад его пополнения ожидали 26% и 16% предполагали его сокращение; ныне — соответственно 24 и 5%.

Диффузные индексы, в %

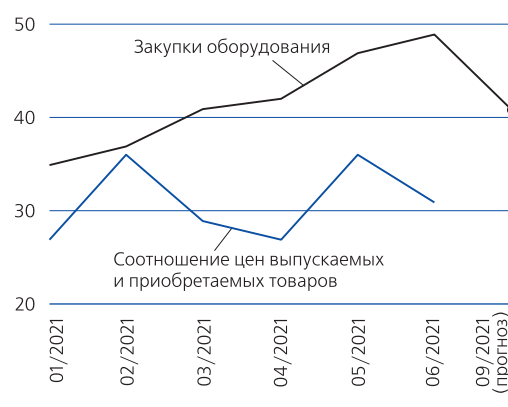
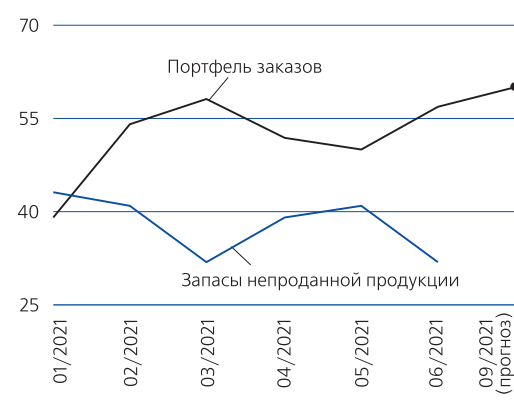
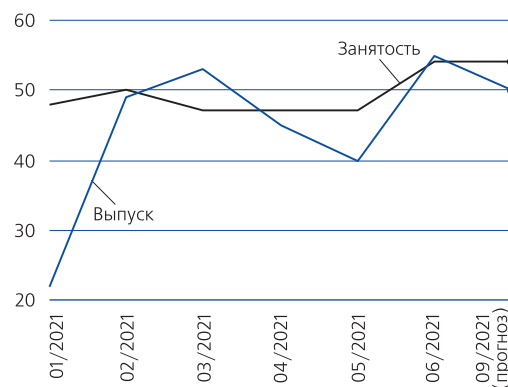
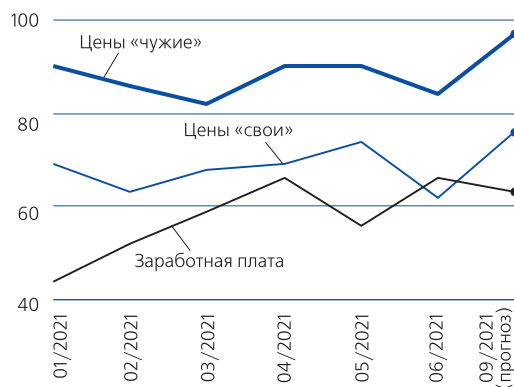

Таблица 3
Диффузные индексы: предприятия с растущими показателями
(по сравнению с предыдущим месяцем), в %*

	01/21	02/21	03/21	04/21	05/21	06/21	09/21 (прогноз)**
Цены «свои»	69	63	68	69	74	62	76
Цены «чужие»	90	86	82	90	90	84	97
Зарботная плата	44	52	59	66	56	66	63
Занятость	48	50	47	47	47	54	54
Выпуск	22	49	53	45	40	55	50
Портфель заказов	39	54	58	52	50	57	60
Запасы непроданной продукции	43	41	32	39	41	32	-
Соотношение цен выпускаемых и приобретаемых товаров	27	36	29	27	36	31	-
Закупки оборудования	35	37	41	42	47	49	41

* – Диффузный индекс (D) определяется по формуле $D = (A + 0.5 \cdot B) \cdot 100\% / N$, где А – число предприятий, сообщивших об увеличении/улучшении показателя; В – число предприятий, у которых он остался примерно на том же уровне; N – общее число ответивших.

** – Сентябрь 2021 г. по сравнению с июнем 2021 г.

Источник: опросы РЭБ.

Таблица 4
Изменение трехмесячных прогнозов за 12 месяцев, в %*

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования**	Банковский процент***
Черная и цветная металлургия	+3	+7	+1	0	-3	+2
Машиностроение и металлообработка	0	+2	+1	+1	0	-3
Химия и нефтехимия	+3	+24	+1	0	-17	+1
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	+5	0	+4	+2	0	0
Производство стройматериалов	+2	+3	0	+10	0	0
Легкая промышленность	+9	+12	+7	+7	-	0
Пищевая промышленность	+2	+4	-1	+2	-4	-1
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	+2	+6	+1	+2	-6	-1
АГРОСЕКТОР	-	-	-	-	+14	+3

* – Приведены разности между оценками трехмесячных изменений, предсказанных респондентами в июне 2021 г. и в июне 2020 г.

** – Реальный объем закупок оборудования.

*** – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении: изменения абсолютного уровня за 12 месяцев (процентные пункты).

Источник: опросы РЭБ.

В лучшую сторону изменились показатели инвестиционной активности предприятий: год назад около 37% предприятий не закупали и не собирались (в течение трех месяцев) закупать оборудование; ныне их доля составила 18%.

Что касается банковской задолженности, то год назад 3% предприятий ожидали ее рос-

та, а 19% – сокращения; в июне 2021 г. эти показатели составили 8 и 14% соответственно.

И наконец, прогнозы финансового состояния: год назад его улучшения в течение трех месяцев ожидали 18%, а ухудшения – 13% предприятий; ныне эти показатели составили 26 и 10% соответственно. (См. табл. 4.) ■

Survey of Current Business (June-September 2021)

Sergey P. Aukutsionek – Head of Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: reb@imemo.ru

Andrey S. Yegorov – Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: andrese@mail.ru

Inessa A. Bachirova – Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: bachirova@imemo.ru

Stanislav V. Belyakov – Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: belyakov_St@mail.ru

In June 2021, the diffusion index of expected changes in incoming prices reached 97% – the highest value since 2003 and a typical level for 1993–1995. Apart from that, June can be called a very favorable month, taking into account high values of the level of capacities and labor utilization rates, large share of financially sound enterprises, "good" indicators for orders, stocks, output, etc. As for the diffusion index of equipment purchases, it reached the maximum value for all 30 years of observations (47%).

Key words: Russia, industry, industrial enterprises, price level, wages, employment, output, investment, indebtedness to banks, order-book level, stocks of finished products, capacity utilization rate, financial situation, production restrictive factors.

JEL-codes: D22, D24, G31, L23, P23.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 2021 г.¹

С. П. АУКУЦИОНЕК
А. Е. БАТЯЕВА

В статье представлен набор различных нетрадиционных экономических показателей, полученных в ходе опросов, проведенных «Российским экономическим барометром» среди российских промышленных предприятий в первой половине 2021 г. Широкий диапазон исследованных показателей позволяет более точно и взвешенно оценить положение дел в российской промышленности.

Ключевые слова: Россия, промышленность, промышленные предприятия, факторы, сдерживающие производство и капиталовложения, поставщики, оптовые покупатели, наймы и увольнения, угроза банкротства, конкуренция, источники средств для инвестиций, отношения с банками, производство и инфляция, ожидания спроса.

JEL: D22, D24, G31, G38, J23, P23.

Факторы, сдерживающие производство

В первом полугодии 2021 г. факторы, сдерживающие производство, расположились в следующем порядке (в скобках – результаты, полученные год назад):

- недостаток спроса на выпускаемую продукцию – 35% респондентов (52%);
- высокие цены на сырье, материалы и полуфабрикаты – 35% (18%);
- нехватка квалифицированных работников – 26% (18%);
- нехватка рабочей силы – 21% (6%);
- нехватка финансовых средств – 12% (21%);
- высокие налоги – 12% (21%);
- нехватка сырья, материалов и полуфабрикатов – 12% (9%);
- нехватка оборудования и помещений – 9% (6%);
- большая задолженность – 6% (0%);
- высокая стоимость рабочей силы – 3% (0%).

За год произошло довольно много существенных изменений. Фактор недостатка спроса на выпускаемую продукцию потерял 17 п.п., утратив позицию единоличного лидера рейтинга, которую он удерживал 19 лет. Теперь он

делит первое место с фактором высоких цен на сырье, материалы и полуфабрикаты, который, в свою очередь, прибавил за тот же период 17 пунктов.

Дефицит квалифицированных работников вернулся в тройку лидеров рейтинга, увеличившись на 8 пунктов. Намного стремительнее – на 15 п.п. – вырос рейтинг фактора нехватки рабочей силы.

Два наиболее существенных в 1990-е годы ограничения производства – дефицит финансовых средств и высокие налоги – синхронно снизились до 12% (минимального значения для обоих показателей за всю историю наблюдений с 1992 г.).

Острота остальных факторов за год возросла в той или иной степени в пределах 3–6 п.п.

Факторы, сдерживающие капитальные вложения

В последнем опросе они распределились следующим образом:

- высокие цены на оборудование, строительство и т.д. – 76% респондентов (34%);
- недостаток средств у предприятия – 48% (50%);

Аукуционек Сергей Павлович, руководитель Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: reb@imemo.ru; Батяева Александра Евгеньевна, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: batyaeva@imemo.ru

¹ Материал подготовлен сотрудниками Центра по изучению переходной экономики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН специально для журнала «Экономическое развитие России» по результатам опроса всех отраслей и регионов РФ.

- неясность общей обстановки – 33% (42%);
- высокий банковский процент – 21% (26%);
- малая прибыльность инвестиционных проектов – 14% (18%);
- большая задолженность – 7% (13%);
- избыток производственных мощностей – 2% (5%).

По сравнению с 2020 г. в ранжировании факторов, сдерживающих капитальные вложения, самое заметное изменение в рейтинге коснулось переместившихся на первое место «высоких цен на оборудование, строительство и т.д.»: во-первых, произошла смена лидера рейтинга; во-вторых, приращение составило беспрецедентные 42 п.п. При этом доля респондентов, указавших «недостаток средств у предприятия» в качестве сдерживающей силы для инвестиций, сократилась весьма незначительно (на 2 п.п.). Остальные факторы также стали менее значимыми, потеряв от 3 до 9 пунктов, но сохранив прежние позиции в рейтинге.

Поставщики

В целом около 45% всех закупок сырья и материалов приходится ныне на тех поставщиков, с которыми предприятия вели дела еще до 2008 г. (год назад было 46%).

Оптовые покупатели

На долю партнеров, с которыми предприятия торговали еще до 2008 г., приходится около 54% всех продаж (годом ранее – 52%).

Число кредитующих банков

Среднее число банков, с которыми имеет дело среднее российское промышленное предприятие, за год не изменилось и в 2021 г. вновь оказалось равным 1,43.

Наймы и увольнения

За минувшие полгода доля покинувших предприятия составила 7,4% от численности персонала, а доля пришедших на предприятия – 8,9% (в прошлом году – соответственно 6,5 и 5,9%). Среди тех, кто ушел с прежнего места работы:

- 85% сделали это по собственному желанию (в прошлом году – 82%);
- 5% были уволены за нарушение трудовой дисциплины (6%);
- 3% ушли или были уволены по иным причинам (5%);
- 8% были уволены по экономическим причинам (7%).

Угроза банкротства

Примерно для 3% опрошенных промышленных предприятий угроза банкротства в ближайшие один-два года выглядит вполне реальной. Для 65% такой угрозы практически не существует. Остальные 32% опрошенных руководителей предприятий затруднились с оценкой. (Соответствующие результаты год назад: 3, 57 и 40%.)

Прибыли и убытки

Около 53% предприятий оценили свою деятельность за минувшие полгода как прибыльную, 29% посчитали, что доходы примерно равны издержкам, и 18% предприятий были убыточными. (Соответствующие результаты год назад: 41, 44 и 15%.)

Издержки производства

Меньшее, чем годом ранее, влияние на уровень издержек в 2021 г. оказывает недогрузка производственных мощностей. По оценке респондентов, при нормальной загрузке производственных мощностей (и прочих неизменных условиях) средние издержки на единицу продукции снизились бы на 8% по сравнению с их текущим уровнем (в опросе годичной давности – на 12%).

Доля валютной составляющей в издержках (т.е. таких затрат, которые прямо зависят от курса рубля) за год увеличилась и составила 24% (год назад – 18%).

Конкуренция

Острота конкуренции, с которой сталкиваются предприятия выборки «РЭБ», составила в среднем 3,5 балла (по 5-балльной шкале: «5» –

на грани вытеснения с рынка; «1» — практически отсутствует). Это на 0,2 п.п. ниже показателя прошлого года, который составил 3,7 балла.

Самые высокие оценки конкуренции показали предприятия химической (4,5 балла), пищевой (4) и легкой (3,8) промышленности. А самый низкий уровень конкуренции зафиксирован на предприятиях лесопромышленного комплекса и в металлургии (по 3 балла).

Острота конкуренции со стороны нероссийских производителей сократилась по сравнению с прошлым годом на 0,1 балла и составила 2,7 балла.

Доля на рынках сбыта

В среднем продукция предприятий выборки «РЭБ» занимает примерно 22% на их основных рынках сбыта. По сравнению с прошлым годом этот показатель не изменился. Самым высоким он оказался у предприятий пищевой промышленности (39%) и у производителей строительных материалов (37%), а самым низким — у предприятий лесопромышленного комплекса (около 12%) и у представителей легкой промышленности (14%).

Источники средств для инвестиций

Около 17% респондентов считают, что в ближайшие два-три года их предприятия ниоткуда не смогут получить средства для необходимых капитальных вложений (в прошлом году — 24%). Связывают надежды с кредитом коммерческих банков 40% респондентов (34%). Примерно 38% полагают, что их предприятия сами смогут накопить эти средства (39%). Получить средства на капитальные вложения в форме государственной поддержки рассчитывают 10% принимавших участие в опросе (8%). На отечественного партнера надеются 5% (5%) опрошенных, а на продажу акций или облигаций — 0% (3%). По-прежнему никто не надеется на зарубежного партнера — 0% (0%). Около 12% (13%) респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

Предельные кредитные ставки

Максимальная ставка процента, по которой среднему предприятию выборки «РЭБ» все еще имело бы смысл взять банковский рублевый кредит на два-три года для капитальных вложений, составила в мае 2021 г. 4,2% годовых (в прошлом году — 4,6% годовых).

Отношения с банками

За последние 12 месяцев 91% обследованных предприятий даже не пытались получить инвестиционный кредит у коммерческих банков. Совсем не оказалось предприятий, которые пытались получить кредит, но не получили. Получивших, но недостаточно, также не было. Остальные 9% предприятий-респондентов получили кредит в достаточном объеме. (Год назад — соответственно 62, 24, 7 и 7%.)

Наибольшие трудности при заключении договоров с банками были связаны с процентом ссуды — на это указали около 75% респондентов из тех, чьи предприятия пытались получить кредит. Залог вызвал трудности при заключении договора с банком у 50% респондентов. Заметно реже возникали проблемы со сроком и размером ссуды — эти обстоятельства отметили по 25% респондентов.

Производство и инфляция

По мнению 69% руководителей, стимулирование производства является в настоящий момент более насущной проблемой для экономики России, чем подавление инфляции. Противоположного мнения придерживаются 17% респондентов; оставшиеся 14% затруднились в выборе. (Год назад структура ответов на этот вопрос была немного иной: 79, 3 и 18%.)

Когда кончится кризис

Средний срок, через который, как ожидают наши респонденты, закончится экономический кризис, составляет 6,5 года. (Год назад этот показатель был равен 5,7 года.)

Оптимистичнее всего настроены представители легкой и химической промышленности: руководители предприятий этих отраслей

считают, что кризис закончится через 1,5 и 2,4 года соответственно. А наибольшими пессимистами оказались производители строительных материалов: их оценка превысила 13 лет.

Потребность в производственных мощностях через 12 месяцев

Объем производственных мощностей — относительно ожидаемого через 12 месяцев спроса на продукцию предприятий — никто из руководителей не оценил как избыточный, около 88% оценили его как нормальный и около 13 — как недостаточный. (Оценки годичной давности: соответственно 11, 76 и 14%.)

Потребность в рабочей силе через 12 месяцев

Аналогичный вопрос о рабочей силе дал следующие результаты: укомплектованность рабочей силой как избыточную не оценил никто из руководителей предприятий, как нормальную — 64% и как недостаточную — 36%. (Год назад — соответственно 6, 81 и 13%.)

Средне- и долгосрочные прогнозы изменения цен, выпуска и капитальных вложений

По оценкам руководителей предприятий, темпы прироста объема производства составят

+4% в 2022 г., -4% в 2023 г. и +3% в 2024 г. Соответствующие оценки для капитальных вложений: -9, -17 и +3%. Прогнозы цен и выпуска на декабрь 2021 г. представлены в табл. 1.

Долгосрочные ожидания спроса

Ответы на вопрос об ожидаемых изменениях платежеспособного спроса на основную продукцию предприятий (через 3 года и 10 лет) распределились так, как это представлено в табл. 2.

Наибольший оптимизм в оценке трехлетней перспективы в первой половине 2021 г. проявили металлурги и представители лесопромышленного комплекса и пищевой промышленности: 67% представителей первой из перечисленных и по 50% предприятий в остальных двух отраслях ожидают роста спроса на свою продукцию. При этом среди производителей строительных материалов и представителей легкой и химической промышленности ожидающих роста спроса в трехлетней перспективе не оказалось.

При оценке десятилетних горизонтов наиболее оптимистично настроенными оказались представители лесопромышленного комплекса, металлургии и машиностроения: соответственно 67, 60 и 50% руководителей предприятий этих отраслей полагают, что востребован-

Таблица 1
Прогнозы цен и выпуска на декабрь 2021 г., в % (декабрь 2020 г.=100%)

	Выпуск	Цены
Промышленная выборка в целом	107	102
в том числе:		
Черная и цветная металлургия	108	104
Машиностроение и металлообработка	105	100
Химия и нефтехимия	107	103
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	102	97
Производство стройматериалов	107	100
Легкая промышленность	110	103
Пищевая промышленность	110	105

Таблица 2
Прогнозируемые изменения платежеспособного спроса на основную продукцию предприятий (через 3 года и 10 лет), в % от числа ответивших респондентов

	Через 3 года	Через 10 лет
Платежеспособный спрос на продукцию предприятия:		
скорее всего, уменьшится	10	11
практически не изменится	30	19
скорее всего, возрастет	40	41
Не задумывались над этим	7	7
Задумывались, но трудно сказать	13	22
Итого	100	100

ность их продукции возрастет. Что касается представителей легкой и химической промышленности и производителей строительных ма-

териалов, то ни на одном из предприятий этих отраслей не ожидали роста спроса в десятилетней перспективе. ■

Economic Situation in the Industry in H1 2021

Sergey P. Aukutsionek – Head of Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: reb@imemo.ru

Alexandra Ye. Batyaeva – Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: batyaeva@imemo.ru

The article presents a set of different non-traditional economic indicators obtained in the surveys, which were conducted by the «Russian Economic Barometer» among Russian industrial enterprises in the first half of 2021. A wide range of considered indicators provides a great possibility to make a more comprehensive assessment of the state of affairs in Russian industry.

Key words: Russia, industry, industrial enterprises, production and investments restrictive factors, suppliers, wholesale buyers, recruitments and redundancies, risk of bankruptcy, competitiveness, sources of investments, relations with banks, production and inflation, demand prognoses.

JEL-codes: D22, D24, G31, G38, J23, P23.

Финансовый сектор

ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ БАНКОВСКОГО СЕКТОРА В ЯНВАРЕ-ИЮЛЕ 2021 г.: УВЕЛИЧЕНИЕ ПРИБЫЛИ

С. А. ЗУБОВ

Прибыль банковского сектора за первые семь месяцев 2021 г. достигла рекордных 1,4 трлн руб. Такой результат стал следствием роста объемов кредитования и одновременного сокращения сформированного резерва на возможные потери по кредитным операциям. Положительное влияние на совокупный финансовый результат оказывал прирост поступлений по комиссионным операциям, связанный с увеличением доходов по расчетно-кассовому обслуживанию и полученный благодаря оказанию посреднических услуг на финансовом рынке.

Ключевые слова: российский банковский сектор, финансовые результаты банков, прибыль банков, рентабельность банков.

JEL: D81, E58, G21.

За первые семь месяцев 2021 г. банковская прибыль составила 1428 млрд руб., на 453,3 млрд руб., или на 46,5%, превысив показатель годичной давности (на 01.08.2020 г. – 974,7 млрд руб.). На 1 августа текущего года в России функционировало 340 банковских кредитных организаций, из которых 249 (73,2%) зафиксировали положительный финансовый результат. Рост банковской прибыли превысил рост активов и собственных средств банковского сектора. Таким образом, рентабельность банковских активов составила 2,1% (год назад – 1,9%), а рентабельность капитала достигла отметки 19,8% (16,8%).

По итогам первого полугодия 2021 г. в пятерку самых прибыльных кредитных организаций вошли те же банки, что и годом ранее: Сбербанк – 47,5% от совокупной прибыли банковского сектора (год назад – 53%), ВТБ – 12,5% (7%), Альфа-Банк – 6,5% (8,1%), Газпромбанк – 5,5% (2%) и ФК «Открытие» – 4,1% (3,6%). Доля пяти наиболее прибыльных банков в совокупной прибыли банков-

ского сектора составила 76,1% (год назад – 73,8%).

В последние годы, в условиях структурного профицита ликвидности и низких процентных ставок, стратегия банков направлена на расширение кредитного предложения и одновременную оптимизацию процентных расходов по привлеченным ресурсам. С начала 2020 г., по мере снижения рыночных процентных ставок и несмотря на возросшую активность банков на кредитном рынке, во многом обусловленную стимулирующими мерами ЦБ РФ (льготное кредитование, послабления по созданию резервов), совокупные процентные доходы кредитных организаций стагнировали. (См. рис. 1.) Тем не менее в период пандемии банки быстро адаптировались к новым условиям и даже при сокращении объемов полученных процентных доходов по кредитам и другим активным операциям смогли существенно нарастить чистый процентный доход¹, в первую очередь за счет уменьшения процентных расходов по вкладам и депозитам.

Зубов Сергей Александрович, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент (Москва), e-mail: zubov@ier.ru

¹ Чистый процентный доход – разница всех процентных доходов банка по размещенным ссудам (включая процентные доходы по вложениям в облигации и векселя) и всех процентных расходов банка по привлеченным кредитам, депозитам, средствам на счетах клиентов и выпущенных векселей и облигаций.

В первом квартале 2021 г. совокупные процентные доходы банковского сектора составили 1509,1 млрд руб., что является минимальным показателем за последние три года. Однако по мере нарастания проинфляционных рисков банки увеличивали процентные ставки по кредитам. Отчасти это произошло благодаря повышению ключевой ставки Банка России, что, в свою очередь, привело к росту плавающих ставок (в основном по корпоративным кредитам). В итоге процентный доход банков во втором квартале текущего года вырос до 1617,1 млрд руб. (или на 7,2% по сравнению с предыдущим кварталом), что является максимальным показателем с конца 2019 г. Так, по кредитам населению прирост дохода составил 4,7%, а по кредитам негосударственным коммерческим предприятиям – 8,3%.

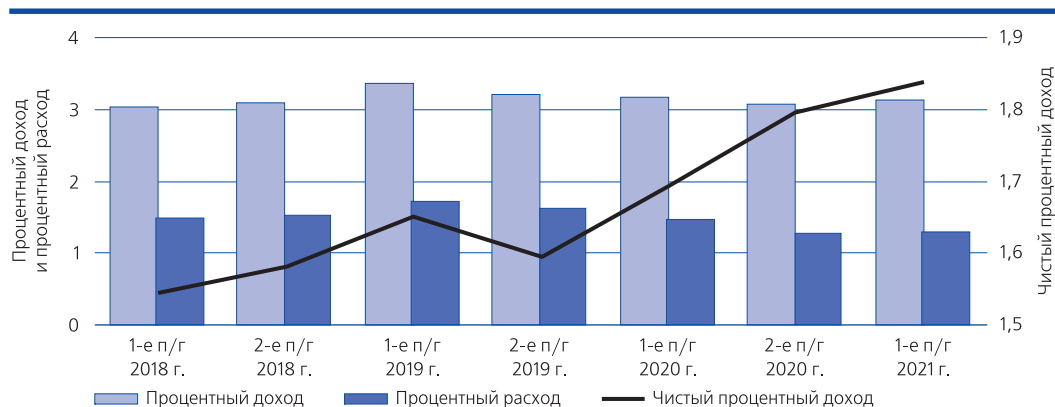
Другим источником компенсации снижения процентных доходов по кредитам стал рост комиссионных доходов, взимаемых при осуществлении активных операций (кредитование, вложение в долговые обязательства, прочее размещение средств). Данный вид доходов включает комиссии за открытие и ведение счетов, смс-уведомления, страховки, платежи за снижение ставок и другие виды доходов.

В первом полугодии текущего года зафиксирован существенный рост доходов этого типа – до 126,7 млрд руб., или на 46,7% относительно 01.07.2020 г., когда доход соответствовал значению 86,4 млрд руб., а прирост относительно показателя годичной давности – 11,3%. Комиссионные доходы, полученные от негосударственных коммерческих предприятий, выросли за этот период на 51,9%, от граждан – на 51,3%.

Общий объем доходов по комиссионным операциям банков (расчетно-кассовое обслуживание, посреднические операции на финансовом рынке) за первое полугодие 2021 г. составил 982,3 млрд руб., на 28,1% превысив соответствующее значение за первое полугодие предыдущего года. Наиболее существенный прирост зафиксирован по операциям доверительного управления имуществом (на 88,2%), от оказания посреднических услуг по брокерским и аналогичным договорам (на 58,9%) и от оказания консультационных и информационных услуг (на 49,7%).

Оптимизация ситуации не затронула расходы, связанные с обеспечением деятельности кредитных организаций. Общий прирост расходов этого типа относительно показателя

Рис. 1. Банковские процентные доходы, процентные расходы и чистый процентный доход, трлн руб.

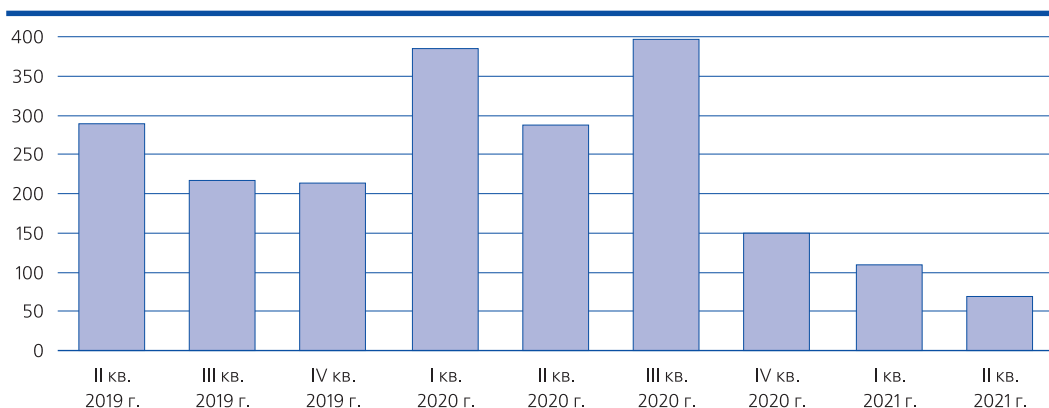
Источник: Отчет о финансовых результатах (форма № 102) за период с 1 января 2019 г. по 1 июля 2021 г. / Банк России.
 URL: http://www.cbr.ru/banking_sector/otchetnost-kreditnykh-organizacij/; расчеты автора.

на середину 2020 г. оказался достаточно существенным — 18,6%. Расходы на содержание персонала выросли за год на 8,7%, организационные и управленческие расходы — на 11,8%. Если ранее банкам в период сужения маржи и высоких рисков по активным операциям приходилось внедрять «бережливые» технологии, которые существенно ограничивали этот вид расходов, то в нынешней ситуации, учитывая высокую рентабельность банковской деятельности, у кредитных организаций отсутствует серьезный стимул экономить на организационно-управленческих затратах. В то же время расширение банковской деятельности, вторжение в сферы небанковского бизнеса, использование phygital-модели² могут привести к дальнейшему росту расходов на обеспечение деятельности. Стоит отметить, что российские банки по-прежнему имеют высокий запас прочности с точки зрения эффективности ведения бизнеса: показатель CIR³, характеризующий операционную эффективность круп-

нейших российских банков, свидетельствует о высоком запасе у них операционной эффективности — так, значение CIR Сбербанка составляет 27,9%⁴, ВТБ — 33,5%⁵, Альфа-Банка — 50,2%⁶.

Согласно оценке Банка России⁷ отказ от послаблений по резервам в отношении реструктурированных ссуд мог потребовать дополнительного дорезервирования объемом 1,4 трлн руб. Однако в течение последних месяцев по мере отмены антикризисных послаблений банковский сектор наращивает объемы кредитования и одновременно снижает уровень отчислений в резервы, что способствует росту налогооблагаемой банковской прибыли. В настоящее время объем сформированных резервов на возможные потери по кредитам с учетом переоценки и корректировок МСФО 9 составляет 6,3 трлн руб., или 8,6% от объема предоставленных кредитов (в том числе приобретенные права требования и прочие размещенные средства). (См. рис. 2.) Вместе с

Рис. 2. Объем чистых резервов с учетом корректировок МСФО 9, млрд руб.

Источник: Отчет о финансовых результатах (форма № 102) за период с 1 января 2019 г. по 1 июля 2021 г. / Банк России. URL: http://www.cbr.ru/banking_sector/otchetnost-kreditnykh-organizaciy/; расчеты автора.

² Сочетание цифровых инноваций с эффективной сетью физического присутствия банковских сотрудников.

³ CIR (Cost-to-Income Ratio) — показатель отношения административно-управленческих расходов к операционному доходу. Банки всегда стремятся снизить этот показатель.

⁴ SberBank releases Financial Highlights for 7 months of 2021 (under RAS, non-consolidated) / Сбербанк.

⁵ VTB Group announces IFRS results for 1Q 2021 / Банк ВТБ.

⁶ URL: <https://www.gazprombank.ru/en/press/6415981/>

⁷ URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=9697>

тем, по данным ЦБ РФ, уровень проблемных кредитов с просроченной задолженностью свыше 90 дней составляет 4,3 трлн руб. С учетом того, что объем реструктурированных кредитов превысил 8 трлн руб., а доля стандартных ссуд (т.е. ссуд высшего качества, по которым отсутствует кредитный риск) на балансе российских банков составляет менее 50%, возможны сомнения в адекватности банковских методик оценки кредитного риска.

Необходимо отметить, что создание резервов является не единственным способом управления кредитными рисками. С этой целью банки активно используют кредитное страхование и различные формы залогового обеспечения. В период пандемии они усилили взаимодействие с коллекторскими агентствами и все чаще прибегают к их услугам на ранней стадии просрочки. Тем самым возможность продажи или передачи проблемных долгов на аутсорсинг позволяет банкам проводить бо-

лее агрессивную кредитную политику при условии, что потери от продажи задолженности с дисконтом полностью покрываются приростом доходов от увеличения объемов кредитования.

В ближайшие месяцы Центральный банк, скорее всего, примет меры по охлаждению кредитного рынка, что, возможно, обусловит необходимость проведения дорезервирования и несколько сгладит значительный рост банковской прибыли. Тем не менее если каких-либо серьезных изменений в сложившихся тенденциях в случае отсутствия внешних шоков до конца года не произойдет, банки стабилизируют процентный доход, продолжат наращивать комиссионные доходы, а их управленческие и организационные расходы будут расти умеренными темпами. Таким образом, можно ожидать, что по итогам 2021 г. банки получат рекордный объем прибыли – свыше 2 трлн руб. ■

Banking Sector's Financial Performance in January-July 2021: Profit Growth

Sergey A. Zubov – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: zubov@ier.ru

In January-July 2021, the banking sector's profit hit the record-high of Rb1.4 trillion on the back of a pickup in lending volumes and simultaneous reduction in loan-loss provisions. Growth in revenues from commission operations owing to increased income from settlement and cash services and intermediary services on the financial market had a positive impact on the consolidated financial result.

Key words: Russian banking sector, banks' financial results, banks' profit, banks' profitability.

JEL-codes: D81, E58, G21.

Инфраструктура

СОЗДАНИЕ ЕДИНОГО РЫНКА ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ ЕАЭС: АНАЛИЗ ЭФФЕКТОВ ДЛЯ ЭКОНОМИК УЗБЕКИСТАНА И АЗЕРБАЙДЖАНА

К. В. РОСТИСЛАВ
Ю. Ю. ПОНОМАРЕВ
М. Б. АЛИМБАЕВА

Развитие Евразийского экономического союза ставит перед собой много целей, в том числе создание единого рынка транспортных услуг. Данная статья посвящена оценке и анализу потенциальных социально-экономических эффектов от возможного объединения рынков транспортных услуг Азербайджана и Узбекистана и стран Союза. Показано, что потенциальные положительные эффекты от интеграции двух названных стран с единым рынком транспортных услуг ЕАЭС (в автомобильном, железнодорожном, воздушном, водном транспорте, для перевозок всеми видами транспорта) могут быть ощутимыми.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, ЕАЭС, Азербайджан, Узбекистан, транспортные услуги.

JEL: B22, B27, E00, F02, F10, F17.

Введение

Вхождение Узбекистана и Азербайджана в Евразийский экономический союз (ЕАЭС) обсуждается со времени подписания договора о Союзе в 2014 г. Тогда же одной из целей учреждения ЕАЭС было провозглашено создание единого рынка транспортных услуг входящих в него стран.

Общий рынок транспортных услуг — это форма экономических отношений, при которой создаются равные и паритетные условия оказания транспортных услуг, особенности функционирования рынка которых по видам транспорта определяются Протоколом о скоординированной транспортной политике (приложение к Договору о ЕАЭС), а также международными договорами в рамках Союза [3].

Согласно определению Банка России в экспортируемые транспортные услуги входят:

- пассажирские перевозки;

- грузовые перевозки;
- вспомогательные и дополнительные транспортные услуги (услуги портов, станций, погрузочные работы, техосмотр и т.д.);
- почтовые и курьерские услуги [6].

Оценка экономических эффектов от создания единого со странами ЕАЭС рынка транспортных услуг может стать для Узбекистана и Азербайджана дополнительным весомым доводом в переговорах о ходе интеграции. В то же время большая часть исследований деятельности Евразийского экономического союза посвящена изучению ее текущих результатов, тогда как вопросы социально-экономических эффектов от вхождения Азербайджана и Узбекистана в состав ЕАЭС, а также интеграции отдельных рынков их товаров и услуг с рынками стран Союза остаются недостаточно изученными. Исследование названной темы представляет собой новизну и актуальность настоящей статьи.

Ростислав Кирилл Владимирович, младший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: rostislav-kv@ganepa.ru; Пономарев Юрий Юрьевич, директор Центра пространственной экономики РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; старший научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: ponomarev@ganepa.ru; Алимбаева Мэри Бахтияровна, младший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: maryalimbayeva@gmail.com

Краткий обзор параметров рынков транспортных услуг Азербайджана и Узбекистана

Доля транспортного сектора (раздел Н классификации видов экономической деятельности – Перевозка и хранение) в ВВП Узбекистана составляет 4,9% (по данным 2020 г.) [7], Азербайджана – 6,0% (по данным 2019 г.) [19]. В сфере перевозок заняты по 6% рабочей силы Узбекистана и Азербайджана (в России и Киргизии – 10%, Казахстане – 9%) (2019 г.) [15]. В Азербайджане 66,0% грузов перевозят автомобили, на долю железнодорожного транспорта приходится 6,5%, морского – 2,5% [20].

В Узбекистане транспортными услугами сформированы соответственно 9 и 11% экспорта товаров и услуг (1,3 и 2,4 млрд долл.) (2018 г.), а также 40–46% общего объема экспорта и 47% объема импорта услуг соответственно. Из них импорт услуг из России составляет 156 млн долл., а их экспорт в Россию¹ – 181 млн долл. При этом большую часть внешней торговли Узбекистана транспортными услугами составляют негрузовые авиаперевозки. На экспорт и импорт транспортных услуг приходится 2,6 и 4,8% ВВП страны соответственно. Удельный вес в ВВП внешней торговли транспортными услугами с Россией равен всего лишь 0,3–0,4%.

Азербайджан экспортирует транспортные услуги на 1,1 млрд долл., импортирует – на 919,4 млн долл. (по данным 2019 г.). Его импорт транспортных услуг из России составляет 43,9 млн долл., экспорт в Россию – 73,9 млн долл. При этом доля России в экспорте транспортных услуг равна 7%, в импорте – 5% [21], что составляет лишь 0,2 и 0,1% ВВП Азербайджана. Импорт и экспорт транспортных услуг Азербайджана – 2,3 и 2,0% ВВП соответственно [17].

На границу ЕАЭС с Узбекистаном выходят евразийские коридоры и маршруты:

- евразийский одноmodalный железнодорожный маршрут Новосибирск – Барнаул – Рубцовск (Россия) – Семей – Шар – Актогай – Алматы – Луговая – Сарыагаш (Казахстан). У этого маршрута есть также ответвление через Луговую (Казахстан) на Бишкек (Киргизия);
- евразийские автомобильные маршруты: Алматы – Бишкек – граница с Узбекистаном на Ташкент (ЭМ-02); Хоргос (у границы с Китаем) – Алматы – Шымкент – граница с Узбекистаном на Ташкент (А-2) [8]. Границы Узбекистана с Казахстаном и Киргизией характеризуются сложной конфигурацией (существуют эксклавы, более короткие пути через территорию государств ЕАЭС). Не проведены демаркация и делимитация 5% границы между Узбекистаном и Киргизией [1].

К участию в интеграционных группировках Узбекистан стимулирует его географическое положение: у государства не просто нет выхода к морю (Мировому океану), но выхода к морю не имеют и страны – соседи Узбекистана.

На перевозки Узбекистана в/из ЕАЭС приходится (по данным 2019 г.):

- в автомобильном транспорте – 64% массы грузов и 63% рейсов;
- в железнодорожном транспорте – 56% массы грузов;
- в авиаперевозках – 4% пассажиропотока, причем в перевозках главной узбекистанской авиакомпании Uzbekistan Airways доля ЕАЭС также высока – 44% [13].

На границу с Азербайджаном выходит евразийский автомобильный маршрут Ереван – Севан – Дилижан – граница с Азербайджаном (М-4). Через Ереван этот маршрут связан с другими: к границе Грузии (и дальше в Россию) и к границе Ирана [8].

Вступление Азербайджана в ЕАЭС осложняют напряженные отношения с Арменией – членом Союза.

¹ Статистические ведомства Азербайджана и Узбекистана не публикуют официальную статистику по объемам внешней торговли транспортными услугами в детализации по странам – торговым партнерам. Эти сведения доступны лишь для России на основе публикуемой ФТС России информации о показателях внешней торговли.

Возможные положительные эффекты создания единого рынка транспортных услуг

Можно выделить несколько положительных эффектов интеграции Узбекистана и Азербайджана с единым рынком транспортных услуг ЕАЭС².

а) На автомобильном транспорте:

- Безразрешительный режим международных перевозок. Однако с 2000 г. по двусторонним соглашениям он уже действует для всех грузовых перевозок между Узбекистаном и Казахстаном/Россией [10; 12], а также для перевозок малотоннажными грузовиками между Азербайджаном и Россией.
- Разрешение каботажных автомобильных перевозок. Может привести к уменьшению порожних пробегов и издержек потребителей за счет роста конкуренции между перевозчиками. Однако по состоянию на начало 2021 г. реализация данного эффекта была ограничена из-за того, что не вступили в силу законы государств-членов ЕАЭС. Так, в России каботажные автоперевозки пока запрещены, а проект ФЗ № 344768-7 «О внесении изменений в Федеральный закон "О государственном контроле за осуществлением международных автомобильных перевозок и об ответственности за нарушение порядка их выполнения"» Госдума приняла 08.07.2020 г. только в первом чтении [4].
- Перенос транспортного и других видов контроля при осуществлении внешнеэкономической деятельности на внешнюю границу ЕАЭС. Может сократить издержки участников внешней торговли при пересечении границ между странами ЕАЭС.

б) На железнодорожном транспорте:

- Унификация внутригосударственных тарифов на перевозку грузов (но при этом тарифы могут различаться в странах-членах), снижение их волатильности. Этот эффект

больше для Узбекистана, поскольку перевозки из Азербайджана в Россию или через Россию в другие государства ЕАЭС уже оплачиваются только по внутрироссийским тарифам из Прейскуранта 10-01 (2019–2020 гг.). По стоимости, объему или грузообороту практически все (более 99%) перевозки из Узбекистана в Россию или через Россию в другие страны ЕАЭС также тарифицируются по Прейскуранту 10-01 [9].

- Установление предельных уровней тарифов на железнодорожные услуги. Может увеличить объемы перевозок.

в) На водном транспорте:

- Право судам государств-членов буксировать и перевозить грузы, пассажиров и их багаж по внутренним водным путям как при двусторонних, так и при транзитных перевозках.
- Сокращение срока доступа к водным путям с 60 до 10 дней. По состоянию на середину 2021 г. соглашение, предусматривающее данное изменение, не вступило в силу [11].

г) Для перевозок всеми видами транспорта:

- Переход на единый электронный документооборот.
- Выгоды от доступа к зонам свободной торговли с участием ЕАЭС.

В **воздушном транспорте** выраженного позитивного эффекта от выравнивания стоимости услуг авиационной инфраструктуры для перевозчиков новых стран-членов, скорее всего, не произойдет. В странах-членах перевозчики ЕАЭС не получают преимуществ перед другими иностранными эксплуатантами наземной инфраструктуры. Более того, в Узбекистане для компаний-резидентов тарифы на аэропортовое и аэронавигационное обслуживание ниже, чем для иностранных компаний, поэтому выравнивание уровней тарифов может сказаться на финансовых показателях узбекских авиакомпаний. Неблагоприятные из-

² Однако, во-первых, для Азербайджана и Узбекистана некоторые из них либо уже реализованы в рамках заключенных ранее соглашений, либо пока не могут быть реализованы из-за сохраняющихся нормативных ограничений. Во-вторых, лишь часть из них с учетом ограниченности статистических данных возможно потенциально количественно оценить.

менения, однако, могут компенсироваться ростом пассажиропотока.

Подход к проведению эмпирического анализа

Алгоритм оценки возможных эффектов от изменения тарифов на грузовые железнодорожные перевозки из Узбекистана/Азербайджана в Россию или через Россию в другие страны ЕАЭС:

а) из железнодорожных перевозок, о которых в данных информационно-аналитической системы регулирования на транспорте есть сведения за 2019–2020 гг. [9], выделяются перевозки: 1) между странами ЕАЭС, 2) из Азербайджана/Узбекистана в Россию или другие страны ЕАЭС через Россию;

б) для каждого вида перевозок³ рассчитывается провозная плата за тонно-километр отдельно для перевозок между странами ЕАЭС и для перевозок из Азербайджана/Узбекистана;

в) с помощью оценок эластичности спроса на железнодорожные перевозки [2; 14; 16] оценивается возможное изменение объема перевозок после снижения тарифов в рассматриваемой стране до уровня провозной платы между странами ЕАЭС. Из данных по ж/д перевозкам между станциями берутся коды товаров. Коды разделяются по группам грузов, каждой из которых используются представленные в указанных выше работах оценки эластичности спроса на ж/д перевозки по цене. Из каждого источника, если оценок в нем несколько, берется оценка, наибольшая по абсолютной величине;

г) рассчитывается разность между провозной платой за возможный объем перевозок по текущим фактическим тарифам и провозной платой после унификации тарифов с ЕАЭС. Разность представляет собой оценку потенциального базового положительного эффекта (экономии) для Узбекистана/Азербайджана на ж/д перевозках в Россию или через Россию в страны ЕАЭС.

Далее предполагается, что базовый положительный эффект за счет его дальнейшего использования в экономике будет генерировать дополнительные косвенные и индуцированные социально-экономические эффекты в сопряженных за счет межотраслевых связей секторах экономики.

Собственная производственная деятельность отрасли, которая принимается в качестве основной при реализации рассматриваемых изменений (в нашем случае это транспортная отрасль и ее сегменты), неизбежно требует использования факторов производства (товаров и услуг), предоставляемых другими отраслями. Рост производства исследуемой отрасли приводит к повышению ее спроса на факторы производства и таким образом стимулирует отрасли-поставщики также наращивать объемы выпуска. Отрасли-поставщики, в свою очередь, будут предъявлять повышенный спрос уже на продукцию своих поставщиков и т.д. В результате описанная «цепная» реакция охватит все отрасли экономики, приводя к увеличению в них объемов производства и занятости.

Кроме того, представленная выше логика может распространяться не только «вверх» по производственной цепочке (на отрасли-поставщики), но и «вниз» (на отрасли-потребители), если продукция рассматриваемой в рамках прямого эффекта базовой отрасли потребляется другими отраслями в границах их производственного процесса. Тогда рост предложения продукции базовой отрасли приводит к изменению объемов производства отраслей – потребителей этой продукции, формируя аналогичные «сетевые» эффекты по всей экономике. Совокупный социально-экономический эффект, получаемый в результате описанных взаимосвязей, представляет собой также не прямой (косвенный) социально-экономический эффект от деятельности и развития базовой отрасли.

Индукцированные социально-экономические эффекты возникают за счет роста распро-

³ Вид перевозки определяли следующие характеристики: пояс дальности, код груза, категория отправления, признак аренды вагона, род и подрод вагона, тоннажность, вид спецконтейнера.

лагаемого дохода экономических агентов: работников базовой и взаимосвязанных с ней в рамках получения косвенного эффекта от отраслей, государства, фирм и некоммерческих организаций, использующих полученные дополнительные доходы на конечное потребление и инвестирование, накопление капитала, что дополнительно расширяет конечный спрос, а следовательно, увеличивает выпуск в рассматриваемой экономической системе.

Поскольку статистические ведомства Азербайджана и Узбекистана не публикуют таблицы «затраты-выпуск», для оценки совокупного потенциального положительного эффекта от более дешевых железнодорожных перевозок при интеграции этих стран с ЕАЭС используется усредненный отраслевой мультипликатор 2,23 для изменения ВВП по валовому выпуску отрасли железнодорожных перевозок [18].

Оценки потенциальных социально-экономических эффектов для Азербайджана и Узбекистана от создания единого рынка транспортных услуг со странами ЕАЭС

Как уже упоминалось ранее, в ближайшие годы из-за формальностей вступления в силу договоров в рамках ЕАЭС реализация части потенциальных положительных эффектов для стран-участниц от формирования единого рынка транспортных услуг будет ограниченной. Поэтому приводимые далее потенциальные оценки эффектов предполагают устранение этих формальных ограничений.

Из проведенного анализа следует, что наиболее ощутимый источник выгод в краткосрочной перспективе для Азербайджана и Узбекистана от создания единого со странами ЕАЭС рынка транспортных услуг — это унификация тарифов на грузовые железнодорожные перевозки.

Оценки показывают, что благодаря интеграции рынка транспортных услуг Узбекистана с ЕАЭС снижение для него стоимости железнодорожных перевозок в Россию или через

Россию в другие страны ЕАЭС могло бы составить 353 млн руб. в 2019 г. и 390 млн руб. в 2020 г. (6,7 и 8,1% общего объема провозной платы соответственно). Если учесть рост объема железнодорожных перевозок в результате их удешевления, позитивные эффекты для Узбекистана окажутся еще больше — 390 млн руб. (6 млн долл.) в 2019 г. и 422 млн руб. (5 млн долл.) в 2020 г. Если бы высвобождающиеся средства Узбекистан направил на развитие своей железнодорожной отрасли, то, с учетом косвенных и индуцированных межотраслевых эффектов, *дополнительный прирост ВВП страны мог бы составить 0,023% в ценах 2019 г. (13,0–13,4 млн долл.)*.

Аналогичные оценки для Азербайджана (снижение для него стоимости железнодорожных перевозок вследствие интеграции рынка транспортных услуг с ЕАЭС) исходя из данных 2019 г. составляют 144 млн руб., а 2020 г. — 59 млн руб. (2,2 и 1,2% провозной платы соответственно). Позитивный эффект с учетом роста объема перевозок — 161 млн руб. (2,5 млн долл.) в 2019 г. и 68 млн руб. (0,9 млн долл.) в 2020 г. Использование этих средств (например, для развития железнодорожной отрасли) могло бы обеспечить *дополнительный прирост ВВП страны на 0,012% в ценах 2019 г.* Ограниченность статистических данных в открытых источниках не позволяет количественно оценить другие позитивные эффекты.

В 2019–2020 гг. выгоды и издержки потенциального вступления Узбекистана в ЕАЭС были оценены узбекским Центром экономических исследований и реформ (ЦЭИР) с использованием закрытых ведомственных данных. В исследовании были выделены те же блоки потенциальных положительных эффектов, что и представленные выше в настоящей статье. По оценкам ЦЭИР, единое транспортное пространство с ЕАЭС обеспечит создание в Узбекистане 2 тыс. новых рабочих мест [5]. Выгоды будут получены не только в результате роста объема перевозок, но и за счет формирования общего рынка работников транспорта, единства требований к их квалификации.

Доступ к дизельному топливу из Казахстана по более низкой цене может снизить затраты узбекских автомобильных перевозчиков на 20 млн долл. Однако, хотя при вступлении Узбекистана в ЕАЭС доля узбекских грузовых автомобилей в ЕАЭС может вырасти (она составила бы около 11%, если бы Узбекистан вступил в ЕАЭС в 2019 г.), конкуренцию с перевозчиками из других стран – членов ЕАЭС затруднит небольшой размер узбекских транспортных предприятий – в основном это индивидуальные предприниматели и малые организации. Кроме того, требование ЕАЭС перейти на стандарт «Евро-5» повысит для Узбекистана стоимость покупки новых автомобилей на 10–15%.

Расходы на перевозки по железной дороге, по оценкам ЦЭИР, могут снизиться на 120 млн долл. для транзитных и на 102 млн долл. для импортных перевозок, т.е. транспортные расходы отправителей и получателей грузов могут сократиться почти вдвое. Эти выгоды потенциально перекрывают потерю Узбекистаном 130 млн долл. из-за применения унифицированных тарифов ЕАЭС на железнодорожные перевозки на узбекской территории.

Эксперты ЦЭИР полагают, что членство в ЕАЭС не повлияет на воздушный транспорт Узбекистана. Угрозу представляют лишь высокие ввозные таможенные пошлины ЕАЭС на воздушные суда: 7,5–12,5% против 0% в Узбекистане до вступления в ЕАЭС [13].

Если к оценкам ЦЭИР применить тот же подход, который использовался нами для оценки влияния на ВВП Узбекистана экономии на железнодорожных перевозках в Россию или через Россию в другие страны ЕАЭС, то *потенциальная годовая прибавка к ВВП Узбекистана может составить 0,93% в ценах 2019 г.* Из этой величины 0,85 п.п. – от 222 млн долл. экономии на железнодорожных перевозках (мультипликатор 2,23 [18]) и 0,08 п.п. – от 20 млн долл., сэкономленных автомобильными перевозчиками (мультипликатор 2,25 [18]). Оценка прироста ВВП получена из предположения, что сэкономленные средства Узбекистан на-

правит на строительство транспортной инфраструктуры.

Заключение

Евразийский экономический союз – международная организация региональной экономической интеграции, играющая важную роль для крупнейших экономик СНГ. Организация ставит перед собой много целей, в том числе создание единого рынка транспортных услуг стран-участниц. Вхождение Узбекистана и Азербайджана в ЕАЭС обсуждается с момента подписания договора о Союзе в 2014 г., и оценка экономических эффектов от создания единого со странами ЕАЭС рынка транспортных услуг может стать для этих государств дополнительным весомым аргументом в переговорах о ходе интеграции.

Доля транспортных услуг в ВВП Азербайджана и Узбекистана весома (4,9 и 6,0% соответственно). При этом у Узбекистана имеется особый стимул для вхождения в интеграционные группировки – у государства и его прямых соседей нет выхода к морю. Таким образом, вхождение этих стран в состав ЕАЭС – важный вопрос их будущего, так же как и будущего самой Организации.

В качестве основных положительных эффектов для Узбекистана и Азербайджана от интеграции с единым рынком транспортных услуг ЕАЭС можно выделить:

- безразрешительный режим автомобильных перевозок в ЕАЭС и возможность каботажных автомобильных перевозок;
- унифицированные (внутригосударственные) тарифы на железнодорожные перевозки и более низкая волатильность тарифов;
- получение идентичных с внутренними перевозчиками стран ЕАЭС условий доступа к наземной авиационной инфраструктуре;
- предоставление права судам государств буксировать и перевозить грузы, пассажиров и их багаж по внутренним водным путям других стран ЕАЭС как при двусторонних, так и при транзитных перевозках; по-

12. Соглашение от 20.03.2006 «О международном автомобильном сообщении между Казахстаном и Узбекистаном» // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/06bn0001/>
13. Холмухамедов М. Наблюдая за транспортным сектором ЕАЭС / Центр экономических исследований и реформ. URL: <http://cerr.uz/ru/post/publication/nabludaa-za-transportnym-sektorom-eaes>
14. Abdelwahab W.M. Elasticities of mode choice probabilities and market elasticities of demand: Evidence from a simultaneous mode choice/shipment-size freight transport model // Transp. Res. Part E Logist. Transp. Rev. 1998. Vol. 34. No. 4. Pp. 257–266.
15. Asian Transport Outlook Database | ADB Data Library | Asian Development Bank. URL: <https://data.adb.org/dataset/asian-transport-outlook-database>
16. Friedlaender A.F., Spady R.H. A Derived Demand Function for Freight Transportation // Rev. Econ. Stat. The MIT Press. 1980. Vol. 62. No. 3. Pp. 432–441.
17. GDP (current US\$) – Uzbekistan, Azerbaijan | Data / The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UZ-AZ>
18. Idrisov G.I., Ponomarev Yu.Yu. Infrastructure mortgage in Russia: Opportunities and prospects // Voprosy Ekonomiki. 2019. No. 2. Pp. 114–133.
19. National Accounts of Azerbaijan / The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: https://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/system_nat_accounts_2020.zip
20. Transport in Azerbaijan 2020 / The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: https://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/transport_2020.zip
21. UN Comtrade | International Trade Statistics Database. URL: <https://comtrade.un.org/>

References

1. The head of the State Committee of National Security Tashiev said that the border issue with Uzbekistan was resolved «100 percent» // Radio «Azattyk» (Kyrgyz service of the Radio Free Europe/Radio Liberty). URL: <https://rus.azattyk.org/a/tashiev-vopros-s-kyrgyzsko-uzbekskoy-granitsey-reshen-na-100-protentov/31170879.html>
2. Gordeev D., Idrisov G. Prospects for the formation of a new tariff system for freight rail transport // Economic Policy. 2019. Vol. 1. No. 4. Pp. 194–219.
3. Agreement on the Eurasian Economic Union (signed in the city of Astana on 29.05.2014) (version of 01.10.2019) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/
4. Draft law No. 344768-7 // The system of ensuring legislative activity. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/344768-7>
5. Infographics: Transportation of goods of Uzbekistan in the context of accession to the EAEU. URL: <https://review.uz/post/infografika-transportniye-perevozki-uzbekistana-v-usloviyax-vstupleniya-v-eaes>
6. Methodology for the formation of indicators of the export of transport services of the Russian Federation / Central Bank of the Russian Federation, 2021. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/115989/meth_tr.pdf
7. National accounts / State statistics committee of the Republic of Uzbekistan. URL: <https://www.stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/national-accounts>
8. List of Eurasian transport corridors and routes / Eurasian Economic Commission. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/energetikaiinfr/transport/Documents/transport.pdf>
9. Station-by-station rail correspondence // ARM «Analytic» – transport-economic balance. URL: <https://tebr.asutk.ru/ords/f?p=300:250:15358899848080::::>
10. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Uzbekistan on international road transport (Tashkent, May 19, 2000) // GARANT.RU. URL: <http://base.garant.ru/1155591/>
11. Agreement on navigation // Electronic Fund of Legal and scientific and Technical Information – docs.cntd.ru. URL: <https://docs.cntd.ru/document/552331002>
12. Agreement as of 20.03.2006 «On the international automobile communication between Kazakhstan and Uzbekistan» // Alta-Soft. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/06bn0001/>
13. Holmukhamedov M. Monitoring the EAEU transport sector / Center of economic studies and reforms. URL: <http://cerr.uz/ru/post/publication/nabludaa-za-transportnym-sektorom-eaes>
14. Abdelwahab W.M. Elasticities of mode choice probabilities and market elasticities of demand: Evidence from a simultaneous mode choice/shipment-size freight transport model // Transp. Res. Part E Logist. Transp. Rev. 1998. Vol. 34. No. 4. Pp. 257–266.
15. Asian Transport Outlook Database | ADB Data Library | Asian Development Bank. URL: <https://data.adb.org/dataset/asian-transport-outlook-database>

16. Friedlaender A.F., Spady R.H. A Derived Demand Function for Freight Transportation // Rev. Econ. Stat. The MIT Press. 1980. Vol. 62. No. 3. Pp. 432–441.
17. GDP (current US\$) – Uzbekistan, Azerbaijan | Data / The World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=UZ-AZ>
18. Idrisov G.I., Ponomarev Yu.Yu. Infrastructure mortgage in Russia: Opportunities and prospects // Voprosy Ekonomiki. 2019. No. 2. Pp. 114–133.
19. National Accounts of Azerbaijan / The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: https://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/system_nat_accounts_2020.zip
20. Transport in Azerbaijan 2020 / The State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan. URL: https://www.stat.gov.az/menu/6/statistical_yearbooks/source/transport_2020.zip
21. UN Comtrade | International Trade Statistics Database. URL: <https://comtrade.un.org/>

Creation of a Common Market of Transportation Services with the EAEU Countries: Analysis of the Effects for the Economies of Uzbekistan and Azerbaijan

Kirill V. Rostislav – Junior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: rostislav-kv@ranepa.ru

Yury Yu. Ponomarev – Head of Center for Spatial Economics of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Researcher of the Gaidar Institute for Economic Policy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: ponomarev@ranepa.ru

Meri B. Alimbaeva – Junior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: maryalimbayeva@gmail.com

The Eurasian Economic Union (EAEU) development has many objectives, including the creation of a common market of transportation services. This article is devoted to the assessment and analysis of the potential socio-economic effects of the possible integration of the markets of transport services of Azerbaijan and Uzbekistan and the countries of the Union. It shows that the potential positive effects of the integration of these two countries with the common market of transportation services of the EAEU (road, rail, air, water, all modes of transport) can be noticeable.

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

Key words: Eurasian Economic Union, EAEU, Azerbaijan, Uzbekistan, transportation services.

JEL-codes: B22, B27, E00, F02, F10, F17.

Образование

РЕЙТИНГ РЕГИОНОВ РОССИИ ПО ИНДЕКСУ СООТВЕТСТВИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ СПО ТРЕБОВАНИЯМ ГИБКОСТИ И МОБИЛЬНОСТИ ПРОГРАММ

С. Ю. АЛАШЕЕВ
Н. Ю. ПОСТАЛЮК
Е. Г. РЕПРИНЦЕВА

В статье представлен рейтинг субъектов РФ по характеру использования современных образовательных технологий в разрезе четырех групп регионов, дифференцированных по уровню экономического развития. Зафиксированы неравномерность развития и значительная поляризация региональных систем СПО России. Исследование показало, что достигнутые в регионах рейтинговые значения формируются разными наборами показателей, составляющих Индекс образовательных технологий. Их анализ позволяет определять резервы и актуальные направления синхронизации деятельности систем СПО субъектов РФ с потребностями экономики региона посредством усиления гибкости и мобильности образовательно-технологического оснащения программ.

Статья подготовлена по результатам выполнения научно-исследовательской работы государственно-го задания РАНХиГС на 2021 год «Сопоставительный анализ субъектов Российской Федерации по уровню направленности их систем среднего профессионального образования на потребности социально-экономического развития региона».

Ключевые слова: дистанционное обучение, образовательные технологии, потребности развития экономики, пандемия COVID-19, рейтинг субъектов РФ, система СПО, сетевые образовательные программы, электронное обучение.

JEL: C43, I21, R58.

Введение

Задача синхронизации подготовки квалифицированных рабочих, специалистов среднего звена и кадровых потребностей экономики регионов, поставленная Правительством Российской Федерации в 2021 г.¹, требует использования адаптивной модели организации образовательных ресурсов системы среднего профессионального образования (СПО). В связи с усилением фона неопределенности регионального развития возникает необходимость в формировании таких параметров и характеристик систем СПО, которые обеспечивали бы их способность улавливать «слабые

сигналы» рынка и оперативно реагировать на изменения в квалификационных запросах внешней среды. Одним из факторов, обеспечивающих такую компоновку образовательных ресурсов системы СПО, выступают образовательные технологии и формы организации учебного процесса, посредством которых взаимодействуют его участники с целью освоения содержания образования [7].

В современном образовательном дискурсе особое место отводится цифровой трансформации содержания профессионального образования и технологий овладения им, поскольку именно такой подход соответствует

Алашеев Сергей Юрьевич, старший научный сотрудник Самарского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Самара, Россия), e-mail: alashееv-sy@ranepa.ru; *Посталюк Наталья Юрьевна*, главный научный сотрудник Самарского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р пед. наук, профессор (Самара, Россия), e-mail: postalyuk-ny@ranepa.ru; *Репринцева Елена Григорьевна*, старший научный сотрудник Самарского филиала РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, e-mail: reprintseva-eg@ranepa.ru

¹ Интервью первого замминистра просвещения РФ Дмитрия Глушко // Российская газета. 1 марта 2021 г. URL: <https://rg.ru/2021/03/01/interviu-pervogo-zamministra-prosveshcheniia-ef-dmitriia-glushko-glavnoe.html>

мировому тренду модернизации профессиональной деятельности – расширению использования электронных средств и орудий труда, цифровизации содержания труда в подавляющем большинстве его видов и форм [1; 3; 9]. Сюда относятся и дистанционные образовательные технологии, которые усиливают гибкость и мобильность образовательных программ, позволяют оперативно обновлять компетенции персонала предприятий, поддерживать актуальность квалификации работников на быстроменяющихся рынках труда вне зависимости от территориальных ограничений.

Перспективной формой организации образовательных ресурсов систем СПО, по мнению экспертов, являются также сетевые образовательные программы, в рамках которых студенты осваивают отдельные образовательные результаты (модули программ СПО) в разных организациях, кадровое и технологическое оснащение которых позволяет это сделать наиболее эффективно, в том числе в структурных подразделениях образовательных организаций на предприятиях экономики региона [4; 6].

В связи с вышеизложенным представляется актуальным вопрос о том, как в региональных системах СПО используются образовательные технологии и организационные формы обучения, оптимизирующие процесс подготовки кадров с прикладными квалификациями и обеспечивающие его направленность на потребности развития экономики субъектов РФ, в которых они расположены. Одним из вариантов представления такой информации выступают *рейтинги образовательных систем и/или их компонентов* как управленческий инструмент сопоставления значимых параметров своей деятельности с лучшими образцами и примерами в отрасли для использования наиболее продвинутого опыта в целях собственного развития (образовательный бенчмаркинг).

Цели и задачи

Целями настоящего исследования являются построение рейтинга регионов России по Индексу соответствия образовательных технологий, используемых в их системах СПО, требованиям гибкости и мобильности образовательных программ и выявление динамики цифровой трансформации подготовки кадров с прикладными квалификациями, обусловленной эпидемиологическими ограничениями 2020 г.

Объекты исследования – региональные системы СПО 85 субъектов РФ, в состав которых входят образовательные организации разных форм собственности (государственные и частные), реализующие программы подготовки квалифицированных рабочих, служащих и специалистов среднего звена.

Поскольку одной из гипотез исследования стало предположение о том, что масштабы и качество используемых образовательных технологий и форм организации учебного процесса в системах СПО зависят от экономического статуса региона, субъекты РФ были сгруппированы по уровню экономического развития. Использована типология, обоснованная в исследованиях Аналитического центра при Правительстве РФ (так называемая «синтетическая» классификация), в которой субъекты РФ объединены в 4 группы по уровню экономического развития и дифференцированы на 9 типов по характеру экономики регионального хозяйства [2]. (См. таблицу.)

Методы

Эмпирической базой исследования являются данные федерального статистического наблюдения Росстата по форме № СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования» за 2019 и 2020 гг.²

Индекс соответствия образовательных технологий требованиям гибкости и мобильно-

² Приказ Росстата от 16.08.2019 г. № 455 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения с указаниями по ее заполнению для организации Министерством просвещения Российской Федерации федерального статистического наблюдения в сфере среднего профессионального образования».

сти программ СПО (далее – Индекс образовательных технологий, Индекс) для каждого региона рассчитан на основе шести показателей:

- доли программ СПО с применением дистанционных технологий;
- доли обучающихся по программам СПО с применением дистанционных технологий;
- доли программ СПО с применением электронного обучения;
- доли обучающихся по программам СПО с применением электронного обучения;
- доли программ СПО, реализуемых в сетевой форме;
- доли обучающихся по программам СПО, реализуемым в сетевом формате.

Индекс образовательных технологий рассчитывался как сумма нормированных значений показателей. Соразмерность значений показателей для расчета Индекса обеспечена за счет нормирования полученных значений показателей. Проведена стандартная процедура z-преобразования, реализованная в про-

граммном пакете SPSS, в соответствии с которой высчитывается разница между исходным значением показателя и средним значением этого показателя по массиву данных. Отношение полученной величины к стандартному отклонению дает z-значение показателя. Суммирование нормированных значений шести показателей в Индексе служит основанием для ранжирования регионов.

Результаты

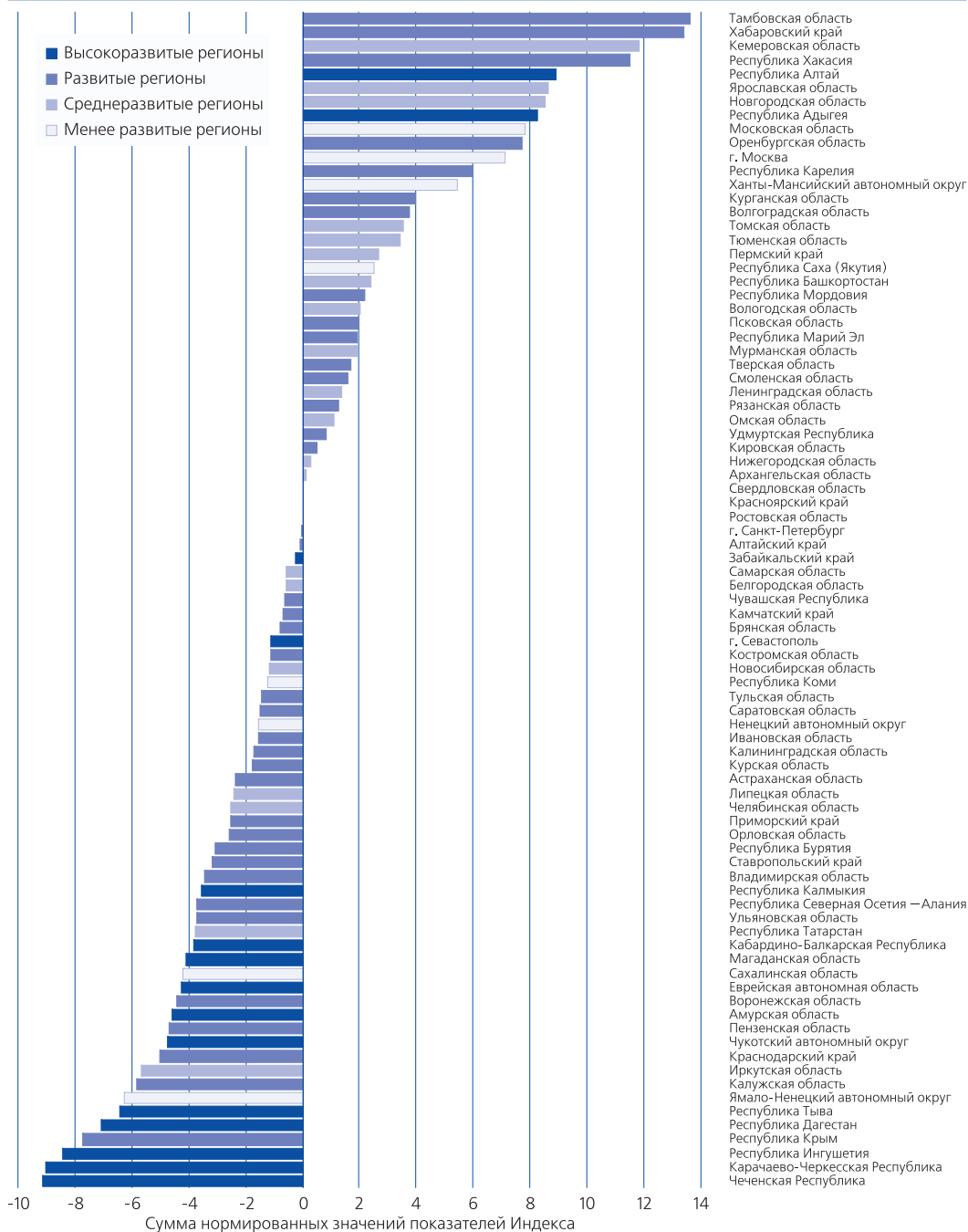
На рис. 1 представлены результаты ранжирования региональных систем СПО 85 субъектов РФ, где выделены группы регионов, классифицированные по «синтетической» модели. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что степень соответствия образовательных технологий, используемых при подготовке квалифицированных рабочих и специалистов среднего звена, требованиям гибкости и мобильности программ СПО слабо связана с уровнем экономического развития региона.

Группировка российских регионов по показателям экономического развития

Группа регионов по уровню развития	Тип экономики региона	Субъекты РФ
Высокоразвитые – 9 субъектов РФ	Финансово-экономические центры	Московская обл., г. Москва, г. Санкт-Петербург
	Сырьевые экспортно ориентированные	Республика Коми, Ненецкий АО, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО, Республика Саха (Якутия), Сахалинская обл.
	С диверсифицированной экономикой	Ростовская обл., Республика Татарстан, Нижегородская обл., Самарская обл., Свердловская обл., Тюменская обл., Новосибирская обл.
Развитые – 23 субъекта РФ	С опорой на обрабатывающую промышленность	Липецкая обл., Ярославская обл., Вологодская обл., Ленинградская обл., Новгородская обл., Архангельская обл., Челябинская обл., Красноярский край и др.
	С опорой на добывающую промышленность	Белгородская обл., Мурманская обл., Республика Башкортостан, Пермский край, Кемеровская обл., Томская обл.
Среднеразвитые – 38 субъектов РФ	Промышленно-аграрные	Владимирская обл., Ивановская обл., Калужская обл., Костромская обл., Рязанская обл., Хабаровский край и др.
	Аграрно-промышленные	Брянская обл., Воронежская обл., Курская обл., Орловская обл., Тамбовская обл., Краснодарский край и др.
	Менее развитые сырьевые	Забайкальский край, Амурская обл., Магаданская обл., Чукотский АО
Менее развитые – 15 субъектов РФ	Менее развитые аграрные	Республика Адыгея, Республика Калмыкия, г. Севастополь, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Тыва и др.

Источник: [2].

Рис. 1. Рейтинги регионов России по Индексу соответствия образовательных технологий в системе СПО требованиям гибкости и мобильности программ

Источник: рассчитано авторами по данным федерального статистического наблюдения, форма № СПО-1.

URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/66efe5a01f0b8c2578af12f5710b02b4/>

Как можно видеть на рисунке, субъекты РФ, относящиеся к регионам с разным экономическим статусом, распределены на гистограмме хаотично. Таким образом, Индекс образовательных технологий, характеризующий названную группу показателей, является внутрисистемным фактором развития.

Возглавляют рейтинг регионов России по Индексу образовательных технологий Тамбовская область и Хабаровский край, входящие в группу регионов со средним уровнем развития экономики. Замыкают рейтинг Карачаево-Черкесская и Чеченская республики, в системах СПО которых фиксируются нулевые или близкие к нулю значения по большинству показателей Индекса. Как одну из выраженных тенденций можно констатировать неравномерность развития и даже значительную поляризацию региональных систем СПО России по рассматриваемым параметрам.

Исследование позволило выявить, что полученные для регионов рейтинговые значения формируются разными наборами показателей, составляющих Индекс образовательных технологий. На примере группы среднеразвитых регионов (см. рис. 2) хорошо видно, за счет каких показателей достигаются интегральные значения Индекса (шкала значений представлена в единицах стандартного отклонения от среднего по массиву данных).

Первое рейтинговое место Тамбовской области достигается за счет высоких значений показателей применения в региональной системе СПО сетевых программ (почти 57% программ СПО, реализуемых в сетевом формате, при 43% обучающихся по ним). Для Хабаровского края второе место в рейтинге обеспечивается высокими значениями показателей программ СПО с использованием дистанционных технологий и электронного обучения (более 90% программ и обучающихся по таким программам).

Следует отметить, что дистанционное и электронное обучение в ряду образовательных технологий, определяющих гибкость и мобильность реализации программ СПО, освое-

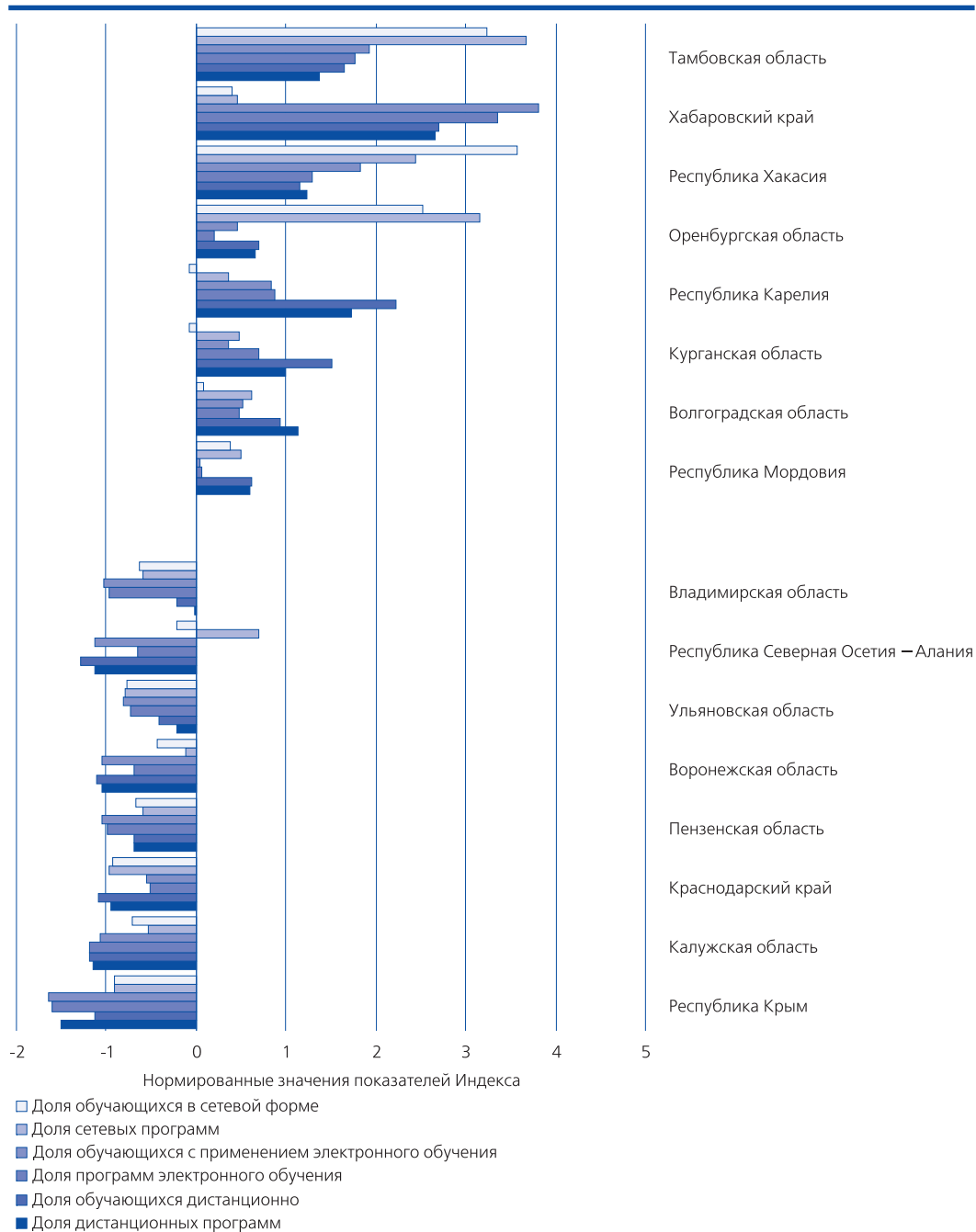
но в региональных системах СПО в значительно большей степени, чем сетевые программы. Последние, кроме уже упоминавшейся Тамбовской области, распространены в колледжах и техникумах Оренбургской и Московской областей, где примерно в половине реализуемых программ СПО участвуют несколько (как минимум, два) провайдеров. Однако по ним обучается не больше трети общего контингента студентов, свидетельствуя о том, что выбранные профессии/специальности – не самые массовые (популярные). В Республике Хакасия доля программ СПО в сетевом формате несколько ниже – 42%, но при этом охват обучающихся по ним довольно высок (около 47%).

По данным Росстата, в 2020 г. в России были зафиксированы регионы, в которых сетевой формат реализации программ СПО не использовался вообще. Это совершенно разные по экономическому статусу субъекты РФ: Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Ненецкий и Ямало-Ненецкий автономные округа и Чеченская Республика. Очевидно, что в данном случае внедрение сетевого принципа реализации программ СПО является существенным резервом для повышения эффективности функционирования региональной системы СПО за счет оптимизации использования ее образовательных ресурсов.

Анализ динамики показателей, составляющих Индекс образовательных технологий, свидетельствует о разнонаправленных тенденциях их изменения в период первого года пандемии COVID-19. На примере семи субъектов РФ с разным экономическим статусом рассмотрим произошедшие трансформации в использовании образовательных технологий в подготовке кадров с прикладными квалификациями, которые, скорее всего, обусловлены эпидемиологическими ограничениями, связанными с пандемией 2020 года. (См. рис. 3 и 4.)

Судя по данным, представленным на рис. 3, в региональных системах СПО в связи с необходимостью обеспечения удаленного обучения произошел «бум» использования дистан-

Рис. 2. Структура Индекса образовательных технологий для группы среднеразвитых регионов России

Источник: рассчитано авторами по данным федерального статистического наблюдения, форма № СПО-1.
 URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/66efe5a01f0b8c2578af12f5710b02b4/>

ционных технологий. Число обучающихся по ним выросло в несколько раз: в системе СПО Ханты-Мансийского автономного округа – в 2,5 раза (с 30 до 73%), в Чувашской Республике – с 0,6 до 45,5%.

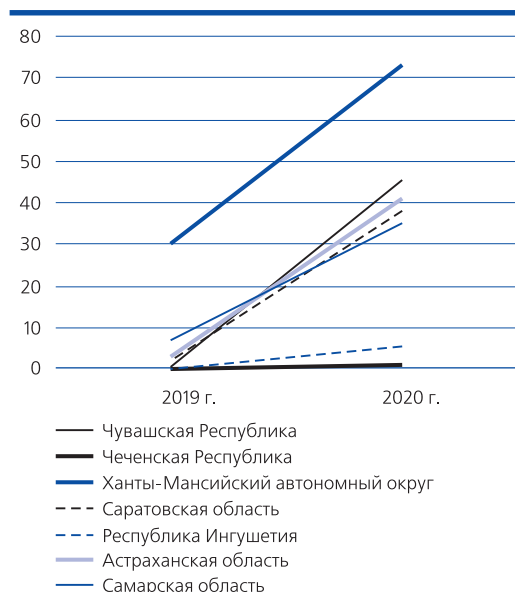
Аналогичные тенденции зафиксированы по показателям применения в учебном процессе профессиональных образовательных организаций электронного обучения (феномен «вынужденной цифровизации»). Подобная «принудительная цифровизация социальных отношений» не прогнозировалась экспертами – ее ход был стихийным, опыт нарабатывался в самом процессе и только сейчас начинает системно рефлексироваться [10; 11].

Рассматривая мировую тенденцию «принудительного» характера тиражирования он-

лайн-образования, специалисты, как правило, критически относятся к его результативности и констатируют, что качество образования на разных его уровнях снизилось в связи с форс-мажорной технологизацией образовательного процесса [12; 13].

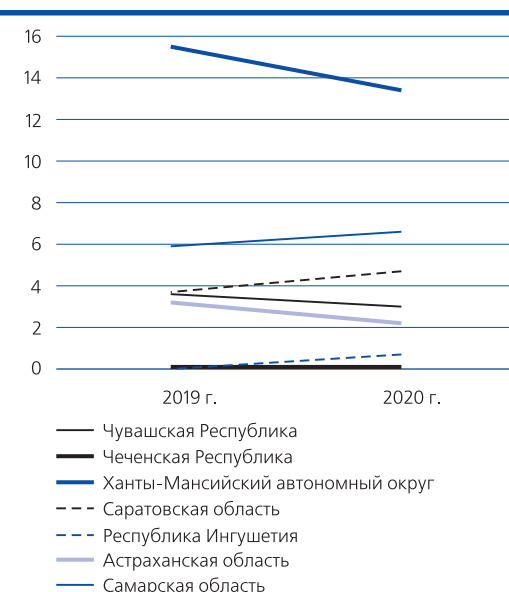
Для российского образования такое интенсивное внедрение дистанционных технологий и электронного обучения было существенно осложнено слабой готовностью педагогического корпуса, родителей, студентов к широкому повсеместному использованию дистанционных образовательных технологий и электронного обучения. Как было выявлено в международном исследовании взрослых PIAAC (*Programme for the International Assessment of Adult Competencies*), россияне по компетен-

Рис. 3. Динамика в системах СПО регионов доли обучающихся с применением дистанционных образовательных технологий, в %

Источник: составлено авторами по данным федерального статистического наблюдения, формы № СПО-1 2020 г. (URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/66efe5a01f0b8c2578af12f5710b02b4/>) и № СПО-1 2019 г. (URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/11cb97d9bbd427c234720b0d69007a6d/>)

Рис. 4. Динамика в системах СПО регионов доли обучающихся с применением сетевой формы реализации программ СПО, в %

Источник: составлено авторами по данным федерального статистического наблюдения, формы № СПО-1 2020 г. (URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/66efe5a01f0b8c2578af12f5710b02b4/>) и № СПО-1 2019 г. (URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/11cb97d9bbd427c234720b0d69007a6d/>)

ции решения профессиональных задач в технологически насыщенной среде в допандемийные годы заметно отставали от населения стран Организации экономического сотрудничества и развития [8].

Результаты исследования квалификационных дефицитов преподавателей российских ведущих колледжей, проведенного специалистами Самарского филиала РАНХиГС в 2019 г., зафиксировали неготовность педагогического персонала системы СПО к выполнению следующих трудовых функций:

- организации аудиторной, в том числе самостоятельной индивидуальной, групповой и фронтальной, работы студентов с использованием средств ИКТ и интернет-ресурсов в различных условиях;
- дистанционного преподавания учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей) по образовательным программам СПО;
- организации дистанционной учебной деятельности студентов по освоению учебных предметов, курсов, дисциплин (модулей) образовательных программ СПО [5, с. 64].

Следует признать, что для системы подготовки кадров с прикладными квалификациями (особенно по программам подготовки квалифицированных рабочих) проблема развития дистанционных технологий стоит наиболее остро, поскольку в этом сегменте образования далеко не все фрагменты содержания образования могут быть трансформированы в онлайн-формат и, соответственно, освоены в удаленном режиме. Проблемность ситуации усугубляется еще и тем, что в российских колледжах и техникумах до сих пор не получили широкого распространения компьютерные симуляторы, электронные тренажеры и другие образовательные инструменты, имитирующие реальные рабочие места, трудовые функции и различные контексты профессиональной деятельности.

К числу других проблемных трансформаций 2019–2020 гг. можно отнести усиление изоляционистских тенденций в региональных сетях организаций СПО. Параллельно с взрыв-

ным ростом дистанционных технологий и электронного обучения в регионах почти не изменилась и даже снизилась доля программ СПО, в реализации которых участвуют несколько организаций, и, соответственно, доля студентов, обучающихся по сетевым программам. (См. рис. 4.) Этот факт позволяет говорить о некотором сворачивании сетевого взаимодействия провайдеров программ СПО в результате прямых и опосредованных факторов, обусловленных социальной изоляцией. Таким образом, можно констатировать, что пандемия не только усилила существующие, но и сформировала новые тенденции развития систем СПО в части мобильных образовательных технологий и гибких организационных форм подготовки кадров.

Заключение

В результате разработки рейтинга 85 субъектов РФ по Индексу соответствия образовательных технологий в системе СПО требованиям гибкости и мобильности образовательных программ в разрезе четырех групп регионов с разным экономическим статусом выявлено отсутствие значимых корреляций между уровнем экономического развития субъектов РФ и степенью соответствия используемых в их системах СПО образовательных технологий потребностям регионального развития. Как одну из выраженных тенденций можно констатировать неравномерность развития и значительную поляризацию региональных систем СПО России по рассматриваемым параметрам. Установлены тенденции изменения образовательно-технологического обеспечения деятельности региональных систем СПО в условиях пандемии.

Исследование показало, что достигнутые в регионах рейтинговые значения формируются разными наборами показателей, составляющих Индекс образовательных технологий. Разработанный рейтинг регионов России по Индексу соответствия образовательных технологий в системе СПО требованиям гибкости и мобильности образовательных программ позволит специалистам региональных органов управления

образованием и администрации организаций СПО более эффективно использовать инструменты индикативного управления. Анализ значений показателей, составляющих Индекс, и их комбинаций в интегральном ранжированном списке обеспечит управленцев информацией об имеющихся резервах и рисках снижения параметров гибкости и мобильности образовательных программ СПО.

По результатам такой аналитической работы может быть осмыслен успешный опыт других регионов (образовательный бенчмар-

кинг), произведено сравнение собственных результатов с отраслевыми лидерами, проведена корректировка региональной образовательной политики в сфере подготовки кадров с прикладными квалификациями. Это будет способствовать достижению результативности деятельности систем СПО субъектов РФ и масштабированию в стране эффективных управленческих решений в организации образовательных ресурсов, синхронизированных с потребностями регионально ориентированного развития. ■

Литература

1. Акаев А.А., Десятко Д.Н., Петряков А.А., Сарыгулов А.И. Региональное развитие и система образования в условиях цифровой трансформации // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 4. С. 1031–1045. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-2>
2. Динамика промышленного производства: региональные различия // Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. 2017. Вып. 27. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13824.pdf>
3. Доклад о мировом развитии-2019 «Изменение характера труда». Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный банк, 2019.
4. Как сделать образование двигателем социально-экономического развития? / Я.И. Кузьминов, И.Д. Фрумин, П.С. Сорокин, И.В. Абанкина и др.; под ред. Я.И. Кузьминова, И.Д. Фрумина, П.С. Сорокина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2019.
5. Кутейницына Т.Г., Посталюк Н.Ю., Прудникова В.А. Педагоги ведущего колледжа: исследование квалификационных дефицитов // Образовательная политика. 2019. № 4 (80). С. 58–66. URL: <https://w2f.ru/edpolicy/magazine/04/#60>
6. Ломтева Е.В., Бедарева Л.Ю., Тищенко А.С. и др. Функционирование региональных систем профессионального образования России в условиях социально-экономической неопределенности: аналитический доклад / Е.В. Ломтева, Л.Ю. Бедарева, А.С. Тищенко, Т.Л. Клячко, Е.А. Полушкина, А.А. Демидов. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2020.
7. Образование для сложного общества: Доклад Global Education Futures / под ред. П. Лукши, П. Рабиновича, А. Асмолова. М., 2018.
8. Подольский О.А. Насколько компетентны сегодня взрослые россияне. Результаты Программы международной оценки компетенций взрослых (PIAAC) в Российской Федерации / О.А. Подольский, Д.С. Попов, Е.Д. Рылько; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2015.
9. Проблемы и перспективы цифровой трансформации образования в России и Китае. Российско-китайская конференция исследователей образования «Цифровая трансформация образования и искусственный интеллект». Москва, Россия, 26–27 сентября 2019 г. / А.Ю. Уваров, С. Ван, Ц. Кан и др. М.: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2019.
10. Радина Н.К., Балакина Ю.В. Вызовы образованию в условиях пандемии: обзор исследований // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2021. № 1. С. 78–194. URL: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-178-194>
11. Якобюк Л.И. Изучение влияния дистанционной формы обучения во время пандемии на результаты обучения // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 179–181.
12. Chick R.C., Clifton G.T., Peace K.M. et al. Using Technology to Maintain the Education of Residents during the COVID-19 Pandemic // Journal of Surgical Education. 2020. Vol. 77. No. 4. Pp. 729–732.
13. Iivari N., Sharma S., Venta-Olkkonen L. Digital Transformation of Everyday Life – How COVID-19 Pandemic Transformed the Basic Education of the Young Generation and Why Information Management Research Should Care? // International Journal of Information Management. 2020. Vol. 55. December. Art. No. 102183.

References

1. Akaev A.A., Desyatko D.N., Petryakov A.A., Sarygulov A.I. Regional development and the education system in the conditions of digital transformation // *The Economy of the Region*. 2020. Vol. 16 (4). Pp. 1031–1045. URL: <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2020-4-2>
2. Dynamics of industrial production: regional differences // *Bulletin on the current trends of the Russian economy*. 2017. Vol. 27. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/13824.pdf>
3. World Development Report-2019 «Changing the nature of work». Washington, DC: World Bank, 2019.
4. How to make education an engine of socio-economic development? / Ya.I. Kuzminov, I.D. Frumin, P.S. Sorokin, I.V. Abankina; Nats. research. uni-t Higher School of Economics, Institute of Education. Moscow: HSE Publishing House, 2019.
5. Kuteynitsyna T.G., Postalyuk N.Yu., Prudnikova V.A. Teachers of a leading college: a study of qualification deficits // *Educational Policy*. 2019. Vol. 4 (80). Pp. 58–66. URL: <https://w2f.ru/edpolicy/magazine/04/#60>
6. Lomteva E.V., Bedareva L.Yu., Tishchenko A.S. et al. Functioning of regional vocational education systems in Russia in the conditions of socio-economic uncertainty: an analytical report. Moscow: Delo Publisher RANEPА, 2020.
7. Education for a complex society: Global Education Futures Report / ed. P. Luksha, P. Rabinovich, A. Asmolv. Moscow, 2018.
8. Podolsky O.A. How competent are adult Russians today. Results of the Program of the International Assessment of Adult Competencies (PIAAC) in the Russian Federation / Nats. research. uni-t Higher School of Economics, Institute of Education. Moscow: HSE Publishing House, 2015.
9. Problems and prospects of digital transformation of education in Russia and China. Russian-Chinese Conference of Education Researchers «Digital Transformation of Education and Artificial Intelligence». Moscow, Russia, September 26–27, 2019 / A.Yu. Uvarov, S. Wang, Ts. Kan et al. Moscow: HSE Publishing House, 2019.
10. Radina N.K., Balakina Yu.V. Challenges to education in the context of a pandemic: a review of research // *Educational Studies Moscow*. 2021. Vol. 1. Pp. 78–194. URL: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-1-178-194>
11. Yakobyuk L.I. Studying the impact of distance learning during the pandemic on learning outcomes // *The World of Science, Culture, and Education*. 2020. Vol. 5 (84). Pp. 179–181.
12. Chick R.C., Clifton G.T., Peace K.M. et al. Using Technology to Maintain the Education of Residents during the COVID-19 Pandemic // *Journal of Surgical Education*. 2020. Vol. 77. No. 4. Pp. 729–732.
13. Iivari N., Sharma S., Venta-Olkkonen L. Digital Transformation of Everyday Life – How COVID-19 Pandemic Transformed the Basic Education of the Young Generation and Why Information Management Research Should Care? // *International Journal of Information Management*. 2020. Vol. 55. December. Art. No. 102183.

Russian Regions Rating According to the Educational Technology Conformity Index in VET-system to the Requirements of Programs Flexibility and Mobility

Sergey Yu. Alashev – Senior Researcher of the Samara Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Samara, Russia). E-mail: alashev-sy@ranepa.ru

Natalia Yu. Postalyuk – Main Researcher of the Samara Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor (Samara, Russia). E-mail: postalyuk-ny@ranepa.ru

Elena G. Reprintseva – Senior Researcher of the Samara Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. E-mail: reprintseva-eg@ranepa.ru

The article presents the rating of the subjects of the Russian Federation by the nature of the use of modern educational technologies in the context of four groups of regions differentiated by the level of economic development. The uneven development and significant polarization of Russia's regional STR systems are recorded. The study showed that the rating values achieved in the regions are formed by different sets of indicators that make up the Index of Educational Technologies. Their analysis allows us to determine the reserves and current directions of synchronization of the activity of the SPO systems of the subjects of the Russian Federation with the needs of the region's economy by increasing the flexibility and mobility of educational and technological equipment of programs.

The article is prepared based on the results of the research work of the RANEPA state order for 2021 «Comparative analysis of the subjects of the Russian Federation by the level of orientation of their secondary vocational education systems to the needs of the socio-economic development of the region».

Key words: distance learning, educational technologies, needs of economic development, COVID-19 pandemic, rating of the constituent entities of the Russian Federation, VET-system, network educational programs, e-learning.

JEL-codes: C43, I21, R58.

Регионы

РЕГИОНАЛЬНЫЕ БЮДЖЕТЫ В ПЕРВОМ ПОЛУГОДИИ 2021 г.: РОСТ ДОХОДОВ

А. Н. ДЕРЮГИН

По итогам первого полугодия 2021 г. собственные налоговые и неналоговые доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ восстановились после падения в 2020 г. и показали рост по сравнению с тем же периодом 2019 г. Структура расходов консолидированных бюджетов регионов в 2021 г. изменяется по сравнению со структурой допандемийного периода, что говорит об изменениях в приоритетах бюджетной политики территорий. Быстрый рост собственных налоговых и неналоговых доходов в первой половине 2021 г. снизил их долговую нагрузку до минимального для этого периода уровня с 2009 г.

Ключевые слова: бюджеты регионов, доходы бюджетов регионов, расходы региональных бюджетов, межбюджетные трансферты, региональный долг.

JEL: H61, H62, H63, H71, H72, H74, H77.

Доходы

По итогам исполнения консолидированных бюджетов субъектов РФ за первое полугодие 2021 г. общий объем их доходов составил 7,51 трлн руб., увеличившись по сравнению с тем же периодом 2020 г. на 18,6%. Собственные налоговые и неналоговые доходы регионов при этом выросли на 23,6%, а межбюджетные трансферты из других бюджетов практически не изменились (+0,1%).

Подобные результаты объясняются низкой базой первого полугодия 2020 г., для которого вследствие влияния кризиса, вызванного распространением COVID-19, а также ограничительных мер федерального правительства были характерны низкие темпы роста собственных доходов консолидированных бюджетов регионов (-7,2% к первому полугодию 2019 г.) и увеличение трансфертов (+57%). Относительно первого полугодия 2019 г. доходы региональных и местных бюджетов выросли в январе-июне текущего года на 21,1%, в том числе налоговые и неналоговые доходы — на 14,7%, а трансферты из других бюджетов — на 57,2%.

Основные доходные источники региональных и местных бюджетов в первом полугодии 2021 г. по сравнению с тем же периодом 2020 и 2019 гг. показали следующую динамику роста: налог на прибыль организаций (+31,5 и +13,2% соответственно), НДФЛ (+17,8 и +17,6%), акцизы (+19,9 и +23,7%), налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения (+56,9 и +38,7%), налоги на имущество (+11,9 и +3,9%), неналоговые доходы (+19,5 и +2,4%), дотации (-32,3 и +11,1%), субсидии (+50,1 и +172,9%), субвенции (+12,0 и +41,5%) и иные межбюджетные трансферты (32,1 и 98,3%). Таким образом, несмотря на продолжающуюся пандемию, доходы консолидированных бюджетов субъектов РФ по основным компонентам превысили не только уровень кризисного 2020 г. (кроме дотаций), но и уровень благополучного 2019 г. (по всем компонентам). Положительные темпы прироста были характерны не только для номинальных, но и для реальных доходов¹.

В большинстве российских территорий (79) в первом полугодии 2021 г. темпы роста дохо-

Дерюгин Александр Николаевич, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; старший научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара (Москва), e-mail: deryugin@ranepa.ru

¹ В июне 2021 г. по отношению к июню 2020 г. индекс потребительских цен составил 106,50%, а по отношению к июню 2019 г. — 110%.

дов консолидированных бюджетов были положительными, а в трех из них они превысили 40% – в Ненецком автономном округе (+52,5%), Липецкой (+51,2%) и Самарской (+46,0%) областях. Лишь у шести регионов соответствующие доходы не достигли уровня 2020 г.: три из них находятся в Дальневосточном федеральном округе, который среди федеральных округов показал самые низкие темпы роста доходов консолидированных бюджетов регионов (+4,2%). Негативные результаты регионов в большинстве случаев (кроме Сахалинской области) связаны с относительно высокой базой первой половины 2020 г., когда данные территории продемонстрировали рост, существенно опережающий среднероссийский уровень.

Поскольку в 2020 г. основной шок сокращения собственных налоговых и неналоговых доходов региональных бюджетов пришелся на первую половину года, во втором полугодии 2021 г. ожидается снижение темпов их роста. Тем не менее по итогам года можно ожидать сохранения двузначных темпов роста доходов региональных и местных бюджетов.

Расходы

В первом полугодии 2021 г. расходы консолидированных бюджетов регионов составили 7,06 трлн руб., увеличившись к соответствующему периоду 2020 г. на 7,9%, что несколько выше уровня инфляции и существенно ниже темпов роста бюджетных доходов.

По завершении реализации многих мер антикризисной бюджетной политики можно было бы ожидать возвращения структуры расходов текущего года к структуре 2019 г. Отчасти так и происходило: выросшие в первой половине 2020 г. на 84,8% (рост всех расходов на тот момент составлял 18,9%) расходы на здравоохранение через год сократились на 14,1%. Но в целом, если рассматривать общее отклонение структуры расходов от базового

года как сумму абсолютных значений отклонений структуры расходов по подразделам бюджетной классификации, окажется, что результаты исполнения консолидированных бюджетов регионов за первое полугодие 2021 г. отличаются от результатов за аналогичный период 2019 г. сильнее, чем за первое полугодие 2020 г.², т.е. в текущем году наблюдаются дальнейшие изменения структуры расходов по сравнению с докризисным периодом. Причем эти изменения очевидны и при сравнении со структурой расходов в среднем за период 2013–2019 гг.

Таким образом, пандемия не просто привела к временному изменению структуры расходов региональных и местных бюджетов, но и повлияла на более долгосрочные приоритеты бюджетной политики.

Из наиболее крупных расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ в первом полугодии 2021 г. по сравнению с тем же периодом предыдущего года наиболее заметным образом выросли расходы на транспорт (+41,6%), дорожное хозяйство (+22,0%), ЖКХ (+13,8%), общее образование (+14,3%), охрану семьи и детства (+59,8%) и физкультуру и спорт (+12,6%). Помимо расходов на здравоохранение сократились расходы на общегосударственные вопросы (-2,0%), сельское хозяйство и рыболовство (-8,2%) и социальное обслуживание населения (-5,2%). Тем самым очевидно, что бюджетная политика регионов стала меняться в сторону развития инфраструктуры и поддержки человеческого капитала.

За рассматриваемый период расходы консолидированных бюджетов выросли в 78 субъектах РФ, а в 53 из них рост превысил инфляцию за аналогичный период. Среди федеральных округов лидером роста бюджетных расходов стал Северо-Кавказский федеральный округ (+16,1%), в котором у всех субъектов бюджетные расходы росли быстрее инфляции.

² Сумма абсолютных значений отклонений структуры расходов по подразделам бюджетной классификации за первое полугодие 2020 и 2021 гг. от структуры за первое полугодие 2019 г. составила 14,1 и 17,7% соответственно.

Сбалансированность региональных бюджетов и государственный долг

Общий объем государственного долга субъектов Российской Федерации к концу первого полугодия 2021 г. по отношению к тому же периоду 2020 г. увеличился на 17,4%, достигнув рекордных 2,51 трлн руб. Впрочем, еще более быстрый рост собственных налоговых и неналоговых доходов бюджетов регионов (+24,5% без учета доходов местных бюджетов) привел даже к некоторому сокращению долговой нагрузки³ – с 23,4 до 21%, что для исследуемого периода является минимальным уровнем с 2009 г. (См. рисунок.)

У средне- и низкообеспеченных регионов⁴ долговая нагрузка сократилась наиболее существенно, но по-прежнему превышает среднероссийский уровень (соответственно +31,3 и +31,4%). Высокий уровень государственного долга, превышающий 100% объема нало-

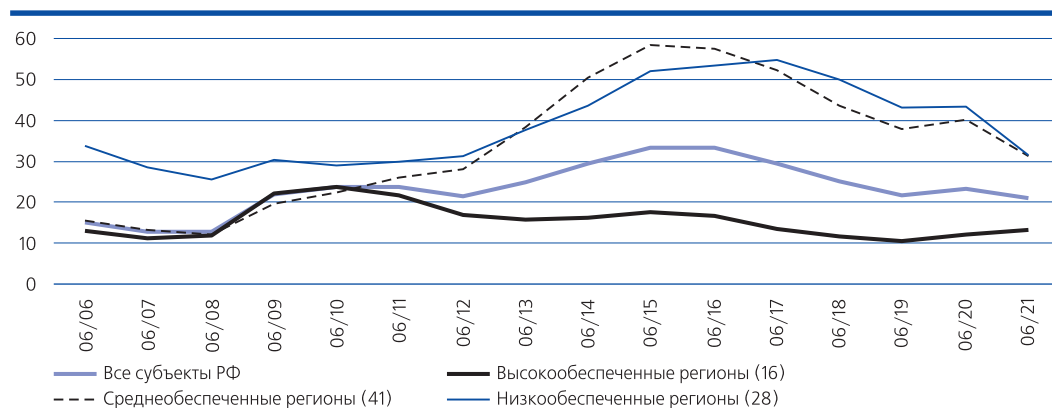
говых и неналоговых доходов региона, сохраняется только у Республики Мордовия (145,3%).

За период с 1 июля 2020 г. по 1 июля 2021 г. государственный долг вырос у 45 субъектов РФ, а долговая нагрузка – у 9.

Динамика структуры государственного долга субъектов РФ за последние 12 месяцев во многом повторяла динамику прошлых лет: доля бюджетных кредитов несколько сократилась – до уровня 46%, доля кредитов кредитных организаций – до 17,2%, а государственных гарантий – до 1,5%. Доля государственных ценных бумаг при этом существенно выросла – до 35%.

Быстрое увеличение собственных налоговых и неналоговых доходов региональных бюджетов в первой половине 2020 г. нивелировало рост общего объема государственного долга регионов, а расширение расходов на

Отношение госдолга субъектов Российской Федерации с различным уровнем бюджетной обеспеченности к налоговым и неналоговым доходам бюджета (долговая нагрузка субъектов РФ), в %

Источник: рассчитано автором по данным Минфина России и Федерального казначейства.

³ Долговая нагрузка субъекта РФ определяется как отношение объема государственного долга к объему налоговых и неналоговых доходов бюджета субъекта Российской Федерации.

⁴ Уровень бюджетной обеспеченности субъекта РФ определяется в соответствии с методологией, утвержденной постановлением Правительства РФ от 22.11.2004 г. № 670 «О распределении дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов РФ». Высокообеспеченными регионами будем считать 16 субъектов РФ, уровень расчетной бюджетной обеспеченности которых по расчетам на 2021 г. превышал 1,0, среднеобеспеченными – 41 субъект РФ с уровнем расчетной бюджетной обеспеченности на 2021 г. до распределения выравнивающих дотаций от 0,6 до 1,0 и низкообеспеченными – 28 субъектов РФ с уровнем расчетной бюджетной обеспеченности на 2021 г. ниже 0,6.

его обслуживание на 8,7% не сильно вышло за рамки общего роста бюджетных расходов. Таким образом, ситуация с региональным долгом остается под контролем, а сокращение до одного числа субъектов РФ с превышением предельно допустимого уровня долговой нагрузки (100% налоговых и неналоговых доходов) снижает потребность в применении эксклюзивных мер по оказанию дополнительной

финансовой поддержки отдельным регионам. До конца финансового года стоит ожидать постепенного сокращения объемов коммерческих заимствований за счет замещения их бюджетными кредитами, что в перспективе позволит компенсировать рост процентных ставок в экономике и сдержать увеличение расходов на обслуживание регионального долга. ■

Regional Budgets in H1 2021: Income Growth

Alexander N. Deryugin – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Researcher of the Gaidar Institute for Economic Policy (Moscow, Russia).
E-mail: deryugin@ranepa.ru

According to data for H1 2021, own tax and non-tax revenues of the consolidated budgets of RF subjects recovered after their fall in 2020 and showed an increase, compared to the same period in 2019. The structure of expenditures of regional consolidated budgets changed in 2021 compared with their pre-pandemic structure, indicating changing priorities of territorial budget policy. The rapid growth of own tax and non-tax revenues in H1 2021 reduced the territorial debt burden to the lowest level for this period since 2009.

Key words: regions' budgets, revenues of regional budgets, expenditures of regional budgets, intergovernmental fiscal transfers, regional debt.

JEL-codes: H61, H62, H63, H71, H72, H74, H77.

РЕДАКЦИЯ

Ответственный секретарь: Ирина Дементьева

Редактор: Ирина Карясова

Компьютерная верстка: Ольга Белобородова

Адрес в Интернете: <http://www.edrussia.ru>

Электронный адрес: EDR-journal@iep.ru

Учредитель: Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-46259 от 17.08.11

Редакционно-издательский отдел: начальник отдела – Нина Главацкая, тел.: +7 (495) 629-43-21

EDITORIAL TEAM

Executive Secretary: Irina Dementieva

Editor: Irina Karyasova

Typesetting: Olga Beloborodova

Website: <http://www.edrussia.ru>

E-mail address: EDR-journal@iep.ru

Founder: Gaidar Institute for Economic Policy Foundation

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor). Registration Certificate PI № FS77-46259 from 17.08.11

Publishing Department: Head of Department – Nina Glavatskaya, phone: +7 (495) 629-43-21